Благосостояние для всех

Людвиг Эрхард

SHOUT
SHARE
IT

•

Людвиг Эрхард
«Благосостояние для всех»

Глава I. Красная нить

Цикл конъюнктуры преодолен / Соревнование вместо эгоизма / Ключ к понижению налогов / Основные хозяйственные права / Дорогостоющие Пирровы победы

Глава II. Рождение рыночного хозяйства

Инфляция при замороженных ценах парализует экономику / Исключительно благоприятная возможность / Всеобщая забастовка против рыночного хозяйства / Борьба за крепкие нервы / Ложный курс в налоговой политике / Цены понижаются / Все обвиняют друг друга / Каталог уместных цен и программа широкого потребления / Второй период / / Наследие обманчивой всеобщей занятости / Усиленное предоставление кредитов — универсальное средство от всех бед? / Средства против спада / В корейском конфликте не было нужды …

Глава III. Последствия корейского кризиса и их преодоление

Взвинченная атмосфера в Бонне / Узкие места в результате роста производства / Торговый баланс вновь становится пассивным / Возможно ли вооружение и без инфляции? / Успокоение вместо кризиса / Возврат к либерализации / Идеальная триада / Рост массового дохода / Заблуждения хозяйственников–плановиков / / О пессимистах

Глава IV. Овладение высокой конъюнктурой

Охота на людей / Повышение заработной платы рабочих и служащих / Быстрая реакция населения в области накопления сбережений / Основное требование: устойчивость цен / епопулярные истины / Ответственность за цены / Успех не замедлил последовать / Многое зависит от желания накапливать сбережения

Глава V. Рыночное хозяйство преодолевает плановое хозяйство

Совершенно различные мнения / Прыжок в холодную воду /В объятия коммунизму? / Бессмысленная всеобщая забастовка / Безработица доставляет заботы / Отклониться от тропы добродетели? / Патентованные рецепты не помогают / Дилетантство и факты / Новый примирительный тон

Глава VI. Министр хозяйства, но не — представитель интересов отдельных групп

Предприниматели должны обладать чувством ответственности / Свобода — как высшая цель / Распределение задач между государством и хозяйством / Объемистый список

грехов / Опасные групповые интересы / Сказка о том, как хороши регламентации / От гражданина к подданному / Разногласия с коммерческими кругами / Гамбургская речь / Принцип наследственных вотчин в промыслах устарел / Меньше работы — больше заработка? / Немецкое чудо?

Глава VII. Картели — враги потребителя

Неприятие монополий / Никаких американских приказов / Принцип запрета снова подтвержден / Закон о защите потребителей / Пользоваться результатами хозяйственных достижений должны все / Тайна рыночного хозяйства / Основные формы экономического могущества / Исключения возможны и необходимы / Принципиальный спор проходит мимо сути / Незаменимый барометр / Картели как средство преодоления кризисов / Сказка о защите средних классов / Нет нового дирижизма / Несколько слов к предпринимателям

Глава VIII. Весьма ценна возможность высказывать требования и мнения без

О будущности демократии / Инфляция — заработная плата и сельское хозяйство / Не все обиды обоснованы / Понижение таможенных пошлин популярно / О Бразилии, бумаге и золотых монетах

Глава IX. Рыночное хозяйство обеспечивает справедливую заработную плату

Инициатива за предпринимателем / Думать о будущем / Автономия и ответственность / Пирог должен стать еще больше

Глава X. Ведет ли благосостояние к материализму?

Воля к потреблению / Отказ от / Против неоправданной нетерпимости / Духу приказать нельзя / Специфические особенности положения в Германии / Последние цели

Глава XI. Психологические вопросы вокруг марки и пфеннига

Постоянная высокая конъюнктура / Государство - - ушло в прошлое / в борьбе с опасностью инфляционных тенденций

Глава XII. Идея снабженческого государства — современная химера

Рука в кармане соседа / Иллюзии лежат в основе стремления к всесторонней / В конце концов мы приходим к социальному / Пределы социального страхования / Отказ от анахронических решений / Хорошая социальная политика нуждается в валютной устойчивости

Глава XIII. Экономика вооружения и рыночное хозяйство

Устойчивость валюты — вне опасности / Европейский клиринг экономики вооружения / Вместо разговоров нужны действия / Соображения конъюнктурного порядка — непригодный импульс

Глава XIV. Против политики письменного стола

Новый стиль торговой политики / Преодолеть проклятое наследие прошлого / Интерес заграницы / От Лондона до Нью–Йорка … / Доверие к рыночному хозяйству / Краеугольный камень европейской экономики / Чудесный кабинет доктора Калигари

Глава XV. Решение европейской проблемы

Цель — всеохватывающая интеграция / Сицилия не находится на Руре / Против Европы, управляемой бюрократически / / Успехи Европейского платежного союза (ЕПС) / / Абсурдность двусторонних сделок / Является ли Европа островом разъединения? / Свобода неделима / /

Глава XVI. Феникс возрождается из пепла

Перевод стрелки на успех / Либерализация на все стороны / Единые правила игры / Наилучшее поощрение вывоза / Каталог освобождения / Решающими являются последние проценты либерализации / Символ зла / Не увиливать от решений! / Необходим широкий размах / Растущее значение внешней торговли

Глава XVII. Перспективы: надежды и тревоги

Не хлебом единым … / Свобода требует жертв / Европейское сообщество необходимо / Не должно быть возврата к идеологии в торговле / Самый широкий свободный обмен валют / Свобода и ответственность / Произойдет ли вторая промышленная революция?

Приложения

Индексы промышленного производства / Восстановление рынка капиталов / Три важнейших индекса цен / Перечень источников

[image]

Людвиг Эрхард. «Благосостояние для всех»

[image]

Хозяйственная реформа 1948 года в Германии представляла собою на самом деле две параллельные реформы: денежную реформу и реформу цен.

Задачей денежной реформы было избавиться от «навеса» обесцененных денег (Gelduberhang) и создать твердую валюту. Реформа проводилась в условиях неопределенности — никаких обоснованных вычислений желаемого объема денежной массы не было. И проводилась она не демократическим путем, а на основании декрета военных оккупационных властей. В ночь на 21 июня 1948 года старые рейхсмарки были объявлены недействительными, и введены новые деньги — дойчмарки.

Каждый житель страны получил на руки 40 новых марок (потом к ним было добавлено еще 20). Пенсии, заработная и квартирная плата впредь подлежали выплате в новых марках, в отношении 1:1. Что же касается наличности и частных сбережений, то половину их можно было обменять в отношении 1:10, а половина была заморожена и позже обменивалась по курсу 1:20. Большая часть прошлых денежных обязательств предприятий пересчитывалась по курсу 1:10; обязательства банков и учреждений бывшего Рейха были, в основном, аннулированы. Предприятия получили наличность для выплаты первой заработной платы, но в дальнейшем должны были существовать за счет продажи своей продукции. Был создан новый эмиссионный банк — Банк немецких земель — и разработаны правила, регулирующие его отношения с частными банками, например, размер обязательных денежных резервов.

Задачей реформы цен, которая вступила в силу через три дня после денежной реформы, была отмена «принудительного хозяйства» - (Zwangswirtschaft), упразднение административного распределения ресурсов и контроля над ценами. Разрегулирование цен и заработной платы проводилось постепенно, но быстрыми темпами. Если за денежную реформу отвечали, в существенной мере, оккупационные власти, то отмена обязательных цен была полностью детищем Людвига Эрхарда и его хозяйственного управления. Проводил он эту реформу вопреки советам оккупационных властей (которые опасались слишком быстрого перехода к рыночным отношениям) и вопреки значительным просоциалистическим настроениям в обществе. Правильность политики Эрхарда была вскоре подтверждена на опыте; обоснованию этой политики в течение ее первого десятилетия и посвящена настоящая книга.

Из книги явствует, что Эрхард был далек от раннекапиталистического, либералистического понимания государства как «ночного сторожа», который лишь охраняет рынок. Для него рынок не самоцель, а средство для достижения социальных целей, в частности, для преодоления классовых различий в обществе и максимального развития творческих сил страны. Свободная частная инициатива и конкуренция сочетаются с активной ролью государства в хозяйственной жизни. В идейном смысле, деятельность Эрхарда протекала не в русле либерализма, и уж конечно, не социализма, а в русле солидаризма. И если сам он этого термина и избегает, и говорит о себе лишь как о христианском демократе, то ближайшие его советники, как Освальд фон Нелль–Брейнинг, термином этим пользовались свободно (см. Освальд фон Нелль–Брейнинг: «Построение

общества». Перевод с немецкого Р. Н. Редлиха. «Посев–Австралия», 1987,144 стр.)

* * *

Людвиг Эрхард родился 4 февраля 1897 года в городе Фюрт (Бавария), где окончил реальное училище. Оправившись от тяжело ранения, полученного в Первую мировую войну, он занялся изучением производство–хозяйственных вопросов в Высшей коммерческой школе в Нюрнберге. Получив там коммерческий диплом, Эрхард защитил свою докторскую диссертацию во Франкфуртском университете у проф. Франца Оппенхаймера, с которым его связывала, вплоть до выезда последнего из Германии, тесная дружба.

В 1928 году Эрхард поступил в «Институт по изучению хозяйственно–конъюнктурных условий в области германских готовых изделий» при Высшей коммерческой школе в Нюрнберге и вскоре стал заместителем директора этого института. Однако, к преподавательской деятельности национал–социалисты его не допускали и в 1942 году ему пришлось институт покинуть.

Благодаря авторитету, которым Эрхард пользовался в промышленных кругах, ему была дана частная стипендия на исследовательскую работу, и он объединил вокруг себя группу сотрудников–специалистов. Группа эта произвела, в частности, критический разбор национал–социалистической финансовой и денежной политики и наметила мысли, которые нашли свое осуществление после войны.

С осени 1945 по конец 1946 года Эрхард был министром хозяйства Баварии; в 1947 году — профессором Мюнхенского университета.

Вскоре он возглавил «Особый отдел по вопросам денег и кредита», которому была поручена разработка проекта денежной реформы, осуществленной затем оккупационными властями. Весной 1948 года он стал директором Управления хозяйства Объединенной экономической области (т. е., трех западных оккупационных зон) и в этой должности провел свою реформу цен.

При основании Федеративной Республики Германии в сентябре 1949 года он занял пост министра народного хозяйства, на котором оставался во всех кабинетах канцлера Аденауэра. В 1957 году он стал заместителем федерального канцлера, а после смерти Аденауэра в 1963 году, и до декабря 1966 года, был федеральным канцлером. Умер Эрхард в 1977 году.

***

Сегодня очевидно, что для обновления российского народного хозяйства одних лишь реформ Эрхарда — денежной

реформы и введения свободы ценообразования — будет мало. Потребуется создание независимых от государства учреждений кредита, развитие независимой от государства структуры собственности, действующей в условиях конкуренции; потребуется создание «сетки социальной безопасности», способной защитить тех, кто иначе пострадает от ударов переходного периода; потребуется создание новой налоговой системы и новой системы трудового права. Готовых рецептов для решения всех этих задач в книге Эрхарда, естественно, нет. Тем не менее, знакомство с этой книгой — с аргументами и опытом автора — необходимо каждому, кто в обновлении отечественного хозяйства будет участвовать.

Русский Фонд по изучению альтернатив советской политике

[image]

Людвиг Эрхард. «Благосостояние для всех» — Глава I. Красная нить

[image]

Задолго до того, как я принял на себя управление ведомством по делам хозяйства в первом западногерманском Федеральном правительстве, я выступил на съезде ХДС британской зоны в Реклингхаузене в конце августа 1948 года с заявлением, что я считаю неправильным и нецелесообразным вызывать снова к жизни стародавние представления прежнего порядка распределения доходов и поэтому отказываюсь этому способствовать. Этим я хотел рассеять все подозрения, что я не стремлюсь к осуществлению такого хозяйственного порядка, который во все большем масштабе может привести широкие слои нашего народа к благосостоянию. Я исходил из желания окончательно преодолеть старую консервативную социальную структуру путем создания массовой покупательной способности всех слоев населения.

При прежнем порядке существовал, с одной стороны. очень немногочисленный высший слой, который, в смысле потребления, мог себе позволить все, а, с другой стороны, — численно весьма обширный, но обладающий недостаточно высокой покупательной способностью, нижний слой населения. При реорганизации нашего хозяйственного порядка следовало поэтому создать предпосылки для преодоления этого противоречащего прогрессивному развитию социальной структуры положения и, вместе с тем, и для преодоления, наконец, неприязни между «богатыми» и «бедными». И у меня нет оснований отказываться

как от материальных, так и моральных основ моих стараний. Сегодня, как и в те времена, они определяют мои мысли и поступки.

Наиболее эффективное средство для достижения и обеспечения благосостояния — конкуренция. Она одна дает возможность всем людям пользоваться хозяйственным прогрессом, в особенности, в их роли потребителей. Она же уничтожает все привилегии, не являющиеся непосредственным результатом повышенной производительности труда.

Через конкуренцию может быть достигнута — в лучшем смысле этого слова — социализация прогресса и прибыли; к тому же она не дает погаснуть личному стремлению каждого к трудовым достижениям. Неотъемлемой частью моего убеждения, что именно этим путем можно лучше всего умножить благосостояние, является желание обеспечить всем трудящимся, соответственно росту производительности, постоянное повышение заработной платы. Для достижения этой цели нужно было создать важные предпосылки.

Мы не должны забывать из–за расширяющегося потребления об умножении производительности хозяйства. В начале этой экономической политики ударение делалось на экспансию хозяйства; сначала надо было вообще повысить предложение товаров и тем самым оживить конкуренцию. Но в первую очередь нужно было дать работу растущему числу безработных.

Цикл конъюнктуры преодолен

Однако тяжелое положение принуждало также преодолеть действие стародавнего закона о развитии хозяйственной жизни по конъюнктурным циклам, считавшегося до того времени непреложным. Как известно, принято было считать, что хозяйство развивается по ритмическим циклам. Примерно семь лет, якобы, длится полный цикл: подъем, высокая конъюнктура, падение и затем кризис, в котором зарождаются целебные силы, которые снова выводят хозяйство на путь к подъему следующего цикла. Но за десять лет, что я несу ответственность за немецкую экономическую политику, все же удалось прервать этот «неизменный» ритмический круговорот и, путем постоянного подъема хозяйства, добиться сочетания полной занятости с конъюнктурой высокой производительности.

Поэтому должны быть понятны мои стремления к тому и надежды на то, что экономической политике и экономической теории удастся найти систематическое решение этой проблемы. Все на это направленные усилия могут рассчитывать на успех лишь до тех пор, пока конкуренции не чинятся препятствия, или она не устраняется вообще искусственными или юридическими

манипуляциями.

Опасность, что конкуренции могут чиниться препятствия, постоянна и угрожает с разных сторон. Поэтому обеспечение свободной конкуренции — одна из важнейших задач государства, основанного на свободном общественном строе. Право, не будет преувеличением, если я скажу, что закон, запрещающий картели, должен был бы иметь значение необходимейшей «хозяйственной конституции». Если государство спасует в этой области, — то вскоре можно будет распрощаться с «социальным рыночным хозяйством». Провозглашенный здесь принцип приводит к категорическому требованию, чтобы никому из граждан не предоставлялись право и возможность подавлять индивидуальную свободу или ограничивать ее во имя ложно понятой свободы. Понятия «Благосостояние для всех» и «Благосостояние через конкуренцию» — связаны неразрывно. Одно является целью, другое — путем, ведущим к этой цели.

Уже эти наметки показывают основоположное отличие социального рыночного хозяйства от классического либерального хозяйства. Предприниматели, пытающиеся ссылками на тенденции современного хозяйственного развития оправдать картели, пребывают в своих рассуждениях на том же интеллектуальном уровне, что и те социал–демократы, которые обосновывают автоматизацией необходимость государственного планового хозяйства.

Из этого ясно, почему я считаю несравненно более важным добиться умножения благосостояния путем экспансии хозяйства, чем рассчитывать на то, что это благосостояние может возникнуть в результате бесплодных споров об ином перераспределении национальной продукции.

Это, конечно, не должно означать, что теперешнее распределение национальной продукции является единственно правильным и что оно должно оставаться неизменным. Но хочу пояснить мою мысль цифровыми примерами: С 1949 года — т. е. с того момента, как федеральное правительство начало проводить политику социального рыночного хозяйства, — до 1955 года национальная продукция — брутто повысилась с 47 млрд н. м. до 85, 8 млрд н. м. (в пересчете на цены 1936 года). В 1956 году зарегистрировано новое повышение на 7, 1%.

Национальная продукция — брутто с 1936 по 1955 г. (в перерасчете на цены 1936 года) в миллиардах н. м.

1936	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956
47, 9	47,1	54,8	62,7	66,7	71,6	77,5	85,8	91,9

(Источник данных — Федеральное бюро статистики)

Этот пример неоспоримого успеха экономической политики

показывает, насколько важнее сосредоточить все усилия народного хозяйства на увеличении народнохозяйственного дохода, чем терять силы в борьбе за распределение дохода и, тем самым, уклониться от единственно плодотворного пути повышения национальной продукции. Куда легче дать каждому по более крупному куску от большего, все увеличивающегося в своих размерах пирога, чем получить выгоду из споров о распределении маленького пирога, ибо тогда каждая выгода должна быть компенсирована какой–либо другой невыгодой.

Соревнование вместо эгоизма

Нередко поругивали меня за то, что я отказывался понимать столь бесплодный ход мыслей. Успех подтвердил мою правоту. Немецкая экономическая политика дала возможность из года в год повышать доход, который все извлекают из экономики. Частное потребление выросло с 1950 до 1955 года (в пересчете на цены 1936 года) с 29 млрд. до 51 млрд. н. м. Этот рост, в сравнении с эволюцией за границей, вывел нас на первое место в мире. Согласно исследованиям Организации европейского экономического содружества индекс частного потребления на душу населения (1952 год = 100) вырос в Западной Германии с 77 в 1949 году до 126 в 1955 году; за тот же период индекс вырос в США с 96 до 107, в Великобритании с 100 до 110, в Швеции с 96 до 110, во Франции с 88 до 113. Если даже принять за исходный уровень довоенное время, то западногерманское развитие далеко превосходит средний уровень развития всех стран, входящих в Организацию европейского экономического содружества. Даже самая смелая реорганизация нашего общественного порядка никогда не смогла бы добиться повышения частного потребления тех или иных групп населения даже в малой доле того, что было достигнуто в действительности; наоборот, подобная попытка привела бы к застою народного хозяйства.

Мой скептицизм в отношении всех споров о «справедливом» распределении национальной продукции исходит из убеждения, что любые требования о повышении заработной платы, обосновываемые этой «справедливостью», стоят в той же плоскости, что и разнообразные попытки других заинтересованных групп и даже широких слоев народа, и сводятся к стремлению добиться для себя выгоды за счет других. При этом легкомысленно забывается, что предпосылкой любых требований должно быть увеличение производительности. Подобный, прямо–таки детский, подход в своем иллюзионистическом ослеплении ставит в конечном счете под угрозу основы нашего прогресса. И здесь признание принципа конкуренции может поставить преграду эгоизму. Как в здоровом,

основанном на конкуренции, хозяйстве не дозволено, чтобы каждый отдельный участник его мог требовать для себя привилегий, так подобный способ обогащения недопустим и в отношении целых групп.

Мои постоянные настояния, направить все усилия на путь экспансии, не ставя под угрозу здоровые основы наших хозяйства и валюты, основываются как раз на убеждении, что только этим способом можно гарантировать соразмерный, достойный жизненный уровень всем тем, кто без собственной вины, вследствие старости, болезни, или как военный инвалид двух мировых войн, не может принимать непосредственного участия в производственном процессе.

Рост социальных пособий за последние годы подтверждает правильность этого тезиса. Повышение государственных социальных пособий в Федеративной республике с 9, 6 млрд. в 1949 году до 24, 4 млрд. в 1956 году, равно как и новая реформа пенсий, стали возможны лишь благодаря хозяйственному прогрессу. Только экспансия дала возможность бедным приобщиться в возрастающей степени к подъему благосостояния. И если теперь федеральное правительство снова в состоянии значительно увеличить социальные пособия, то только потому, что экономическая политика позволяет предвидеть в будущем дальнейший рост нашей национальной продукции.

Ключ к понижению налогов

Политика экспансии — очевидная необходимость и с других точек зрения. Любой политик–реалист согласится, что перед современным государством стоят сегодня огромные задачи. Хотя, конечно, следовало бы сделать все возможное, чтобы добиться сокращения числа государственных функций, по существу своему посторонних в деле государственного управления, — и постепенным отказом от системы предписаний, принудительным образом регулирующих хозяйствование и ценообразование, я внес свою лепту в это дело — все же придется примириться с тем, что в середине XX века возможность существенным образом разгрузить государство от обязанностей мало вероятна. С другой стороны надо признать весьма справедливыми пожелания как всех граждан, так и хозяйственных кругов, направленные на снижение налогового бремени.

Этой цели можно достичь лишь в том случае, если нам удастся удержать государственные расходы хотя бы на теперешнем, и без того уже значительном, уровне. Удастся это, тогда в будущем налоговые облегчения гражданам и хозяйству при продолжающемся повышении национальной продукции, будут ощущаться как некое избавление. Открываются радужные

перспективы! Подумать только, насколько легче будет налоговое бремя через 10 лет, когда наша национальная продукция превысит 250 млрд. н. м., в сравнении с 90 млрд. н. м. в 1949 году и 192 млрд. н. м. в 1956 году.

Трезвые факты из недавнего прошлого подкрепляют эти мысли. Никто не осмелится сказать, что индивидуальное налоговое бремя претерпело с 1949 года относительное повышение. И тем не менее общественные доходы (государства, земель и коммунальные) возросли с 23, 7 млрд. н. м. в 1949 году до 54, 45 млрд. н. м. в 1955/56 годах. Этот рост доходов идет исключительно за счет блестящего подъема нашей национальной продукции.

Если удастся добиться требуемой мною стабилизации расходов, и развитие производительности будет расти теми же темпами, легко себе представить и вычислить какое снижение налогов окажется возможным. Только таким путем можно добиться настоящего и реалистичного решения угнетающей всех нас налоговой проблемы.

Поднимая всеобщее благосостояние, экономическая политика в значительной степени способствует демократизации Западной Германии. И немецкий избиратель убедительным образом одобрил этот подчеркнутый отказ от классовой борьбы тем, как он голосовал при выборах в Бундестаг первого и второго созыва.

Через многолетние усилия красной нитью проходит желание добиться подъема всеобщего благосостояния. Единственный путь, ведущий к этой цели — последовательная отстройка хозяйства, основанного на свободной конкуренции. И эта экономическая политика ведет также к дальнейшему расширению традиционных гражданских свобод человека.

Основные хозяйственные права

В основные хозяйственные права входит свобода каждого гражданина устраивать свою жизнь так, как это отвечает — в рамках его финансовых возможностей — его личным желаниям и представлениям. Это основное демократическое право свободы потребления находит свое логическое дополнение в свободе предпринимателя производить и продавать те продукты, которые отвечают спросу, т. е. которые он считает соответствующими желаниям и потребностям покупателей, и производство которых поэтому необходимо и обещает ему успех. Свобода потребления и свобода хозяйственной деятельности должны в сознании каждого гражданина восприниматься как неприкосновенные основные права. Посягательство на них должно караться как покушение на наш общественный строй. Демократия и свободное хозяйство находятся в такой же логической связи, как диктатура и

государственное хозяйство.

Осуществлять стремление к подъему благосостояния значит отказаться от недобросовестной политики, которая предпочитает кажущиеся успехи подлинному прогрессу. Тот, кто подходит к этому вопросу всерьез, должен быть готов энергично противодействовать любым посягательствам на устойчивость нашей валюты. Социальное рыночное хозяйство немыслимо без последовательной политики сохранения валютной устойчивости. И только этим путем можно предотвратить обогащение отдельных кругов населения за счет других.

Подобные попытки неоднократно имели место как раз в недавние времена. Можно, например, упомянуть соглашения социальных партнеров, уже приведшие к тому, что рост заработной платы обогнал развитие производительности. Это нарушает принцип стабильности цен. Не в меньшей степени виновны и предприниматели, которые из–за роста заработной платы или из эгоизма ищут выхода в увеличении цен. Вина переходит в преступление, когда кто–либо сознательно захочет способствовать развитию инфляции, чтобы облегчить себе таким образом выплату полученных кредитов. Я далек от того, чтобы высказывать подобные подозрения. Тем более, что вряд ли кто–либо может усомниться в том, что подобная попытка привела бы к политической катастрофе.

Поэтому профсоюзы должны подумать, к чему ведет их «активная политика заработной платы», если она должна вызвать повышение цен; не играют ли они на руку безответственным спекулянтам. Реакция немецкого народа даже на незначительный рост цен в недавнем прошлом выразилась немедленно в резком падении сбережений. Так в июле 1955 года взносы превышали выплаты на 188, 1 млн. н. м., тогда как в июле 1956 года выплаты превысили взносы на 109 млн. н. м. И только энергичные мероприятия федерального правительства смогли остановить эту опасную эволюцию.

Подобная порочная эволюция таит в себе не только экономические опасности, но и социальные и политические. Продумав это до конца, мы должны были бы придти к выводу, что устойчивость валюты следует включить в число основных прав человека и что каждый гражданин вправе требовать от государства ее сохранения.

Дорогостоящие Пирровы победы

Но эти принципы можно осуществить на практике только в том случае, если общественное мнение готово поставить их выше всех эгоистичных частных интересов. Нужно ли еще доказывать как опасны для демократии стремления действовать с позиций

силы и добиваться таковых. Не надо даже быть пессимистом, чтобы признать, что многие демократии переживают в этом отношении серьезный кризис. Во всяком случае проблема места, которое должны занимать организованные групповые интересы в общей народной и государственной структуре, далека от удовлетворительного разрешения. Именно тот факт, что проблема эта не решена, приводит к тому, что все новые и новые группы требуют от народного хозяйства больше, чем оно в состоянии дать. Все достигнутые таким путем успехи обманчивы, это — Пирровы победы. Каждый гражданин платит за них в виде легкого повышения цен, платит ежедневно и ежечасно, буквально марками и пфеннигами.

Не утешение, а скорее позор, что эти сомнительные успехи достигаются, главным образом, за счет слоев населения, которые в силу социологических причин, не могут защищать свою точку зрения подобными же методами массового воздействия. Недавние повышения цен произошли почти исключительно потому, что повсюду люди действовали вопреки здравому разумению и пренебрегали предостережениями и увещеваниями не терять чувства меры.

Думая о том, чтобы обеспечить нашему молодому демократическому государству твердое будущее, давно пора вернуться на путь нравственных ценностей. Когда мы выдвигаем такое требование, то в нем сливаются в некое единство как экономическая, так и общественная политика. В середине двадцатого века экономическое процветание теснейшим образом связано с судьбой государства, как и наоборот — признание каждого правительства и каждого государства непосредственно связано с успехом или неудачей их экономической политики. Такая взаимозависимость политики и экономики делает недопустимым мышление замкнутыми категориями. Творец экономической политики должен чувствовать свои обязательства по отношению к жизни демократического государства, человек политики должен признавать огромное значение экономики народов и поступать в соответствии с этим.

Социальное рыночное хозяйство, которое имеет место в ГФР, может требовать того, чтобы политики считались с ним, как с важным фактором, который определяет и выражает строительство нашего демократического государства. Эта экономическая политика сумела в кратчайший срок провести беспрецедентную в истории восстановительную работу. С помощью этой политики нам не только удалось дать работу и пропитание населению, которое увеличилось на одну четверть, но и поднять благосостояние этих людей на такой уровень, который

превосходит уровень лучших предвоенных лет. Социальное рыночное хозяйство пошло трудным, но честным путем восстановления. Но именно благодаря этому ему удалось заново завоевать доверие всего мира.

[image]

Людвиг Эрхард. «Благосостояние для всех» — Глава II. Рождение рыночного хозяйства

[image]

Каково же было исходное положение, когда 2 марта 1948 года я был избран директором Хозяйственного управления в Экономическом совете Объединенной экономической зоны во Франкфурте? Этот период перед денежной реформой я охарактеризовал, много лет спустя, в моем выступлении в Антверпене 31 мая 1954 года:

«Это было время, когда большинство людей не хотело верить, что опыт валютной и экономической реформы может удаться. Это было то время, когда мы в Германии занимались вычислениями, согласно которым на душу населения приходилось раз в пять лет по одной тарелке, раз в двенадцать лет — пара ботинок, раз в пятьдесят лет — по одному костюму. Мы вычисляли, что только каждый пятый младенец может быть завернут в собственные пеленки, и что лишь каждый третий немец мог надеяться на то, что он будет похоронен в собственном гробу. Последнее казалось действительно тем единственным, на что мы еще могли надеяться. Мысль о том, что на основании подсчетов сырья и при помощи других статистических данных можно определять судьбу народа на многие годы вперед, свидетельствовала лишь о бесконечной наивности и ослепленности тех, кто был рабом экономического планирования. Эти сторонники механистичности и дирижизма не имели ни малейшего представления о том прорыве динамической силы, который должен был проявиться у народа, как только он смог заново осознать свое собственное достоинство и высокую ценность свободы».

Я неизбежно испортил бы читателю настроение, если стал бы дотошно воссоздавать картину положения до валютной реформы. Поэтому я ограничусь лишь несколькими указаниями для уяснения нашего исходного положения. Первый индустриальный план, который был выработан на основании Потсдамских решений от 2 августа 1945 года, стремился свести объем немецкой промышленности к уровню, который составил бы всего 50–55% уровня 1938 года, или примерно 65% уровня 1936 года, притом для оценки этого плана следует еще учесть, что количество населения тем временем значительно возросло за счет потока беженцев. Но этот план не смог быть осуществлен уже потому, что оказалось невозможным создать экономическое единство Германии.

Второй промышленный план, который был введен английским и американским военными управлениями для их зон оккупации 29 августа 1947 г., давал так называемой двойной зоне право восстанавливать свою промышленность в полном объеме

1936 года, но и этот план был связан с различными, касающимися частностей, ограничениями. Но тем временем производственная мощность промышленности, которой мы могли еще располагать, упала настолько, что составляла лишь 60% ее мощности 1936 года.

Инфляция при замороженных ценах парализует экономику

И действительно, общая промышленная продукция Объединенной экономической области достигла в 1947 г. лишь 36% ее объема в 1936 году. Эту мрачную картину можно было наблюдать также и по отдельным секторам хозяйства. Достаточно себе представить, к примеру, что в свое время текстильное производство составляло лишь одну седьмую сегодняшней продукции.

Промышленное производство Объединенной экономической области (1936 г. = 100)

	1946 г.	1947 г.
Вся промышленность	33	39
Уголь	51	65
Железо и сталь	21	25
Цветные металлы	18	24
Химические продукты	43	43
Нерудные ископаемые	31	33
Транспортные средства	17	19
Электротехника	36	65
Точная механика и оптика	30	30
Текстильные изделия	20	28
Кожа и обувь	26	27
Каучуковые изделия	34	40
Целлюлоза и бумага	20	21

[Источник: «Экономическое управление», издание Экономического управления Объединенной экономической области, июнь 1948 г.]

Несостоятельность попытки остановить в послевоенные годы инфляцию путем замораживания цен и направляемого хозяйства становилась все более очевидной. Инфляция была вызвана теми в высшей степени сомнительными методами, при помощи которых проводилось финансирование военной промышленности с 1933 до 1939 года, а также военными расходами, которые обошлись примерно в 560 миллиардов рейхсмарок. Мы переживали явление инфляции при замороженных ценах. Всякое административное

управление хозяйственной жизнью становилось невозможным ввиду переизбытка денежных знаков. Товарообмен осуществлялся, минуя обычно нормальный путь регулярной оптовой и розничной торговли. Все увеличивающиеся запасы товаров задерживались заводами для хранения на складах, поскольку они не могли служить — путем обмена («компенсации») - дальнейшему поддержанию сокращенного в своем объеме производства. Мы вернулись к состоянию примитивного натурального обмена. Общий индекс производства (не считая строительства) достигал в первом полугодии 1948 года лишь примерно 50% производства 1936 года. Это дало повод проф. Репке заявить в начале 1948 г., что Германия уничтожена и приведена в хаотическое состояние в такой степени, что никто, не будучи очевидцем происходящего, не может себе этого представить.

Естественно, что подобный разгром вызвал оживленный спор о методах, при помощи которых следовало преодолеть возникший хаос. В этом споре проявилось все, что угодно, кроме пресловутого единения, о котором принято говорить, что в нем заключается сила. В Западной Германии шла ожесточенная борьба между сторонниками планового и свободного рыночного хозяйства, приковывавшая внимание не только немцев, но и западных союзников. Одна из следующих глав этой книги «Рыночное хозяйство побеждает плановое хозяйство» — дает представление о ходе этой борьбы. Немецкие сторонники планового хозяйства склонялись в данных условиях к тесному сотрудничеству с оккупационными властями британской оккупационной зоны, которые должны были следовать указаниям тогдашнего лейбористского правительства, переживавшего в то время расцвет своих экспериментов в области планового хозяйства. Либеральные же политики Западной Германии скорее тяготели к «американцам». Поэтому отнюдь не случайно, что Виктор Агартц руководил в Миндене Центральным управлением хозяйства, в то время как я принял, по специальному желанию американских оккупационных властей, должность министра хозяйства в созданном в октябре 1945 года баварском правительстве.

Исключительно благоприятная возможность

В середине 1948 г. немцам представилась, наконец, исключительно благоприятная возможность — увязать валютную реформу с решительной реформой всего хозяйства, прекратить бессмысленное перенапряжение человеческих сил, которое было вызвано хозяйственным администрированием, чуждым понимания реальной действительности. Эта система, одинаково

вредная как для промышленности, так и для каждого потребителя — заслуживала лишь того, что быть бесславно похороненной. Лишь немногие еще сознают сегодня, сколько потребовалось мужества и готовности принять на себя ответственность, чтобы сделать этот шаг. Некоторое время спустя двумя французами — Жаком Рюефф и Андрэ Пьетр — об этом единстве хозяйственной и валютной реформы было высказано следующее суждение:

«С совершенной неожиданностью исчез черный рынок. Витрины были забиты товарами, дымились фабричные трубы и улицы были заполнены грузовиками. Вместо мертвой тишины развалин повсюду раздавался шум стройки. Уже размер восстановления вызывал удивление, но еще большее удивление вызывала его неожиданность. Это восстановление началось во всех отраслях хозяйственной жизни точно в день валютной реформы. Только очевидцы могут рассказать о том мгновенном действии, которое оказала валютная реформа на заполнение складов и богатство витрин. Со дня на день стали наполняться товарами магазины и возобновлять работу заводы. Еще накануне немцы бегали бесцельно по городу, чтобы разыскать дополнительно какие–нибудь жалкие продукты питания. А на следующий день мысли их уже концентрировались лишь на том, чтобы заняться производством этих продуктов питания. Накануне на лицах немцев была написана безнадежность, на следующий день целая нация с надеждой смотрела в будущее». *[(Из книги «Хозяйство без чудес» - «Wirtschaft ohne Wonder», 1953, Eugen–Rentsch–Verlag, ErIenbach/Zurich).*

В самом деле, введение рыночного хозяйства в Германии, это почти единственное в своем роде историческое событие, было осуществлено при помощи нескольких немногих законов и ценой бескомпромиссной решимости. Воля к созданию чего–то совершенно нового нашла свое выражение в «Вестнике законов и распоряжений Экономического совета Объединенной хозяйственной зоны» от 7 июля 1948 г. На плохой, ныне уже пожелтевшей бумаге «дореформенного» качества был отпечатан «Закон о принципах хозяйственной структуры и политике цен после валютной реформы» от 24 июля 1948 г. Этот закон давал директору Хозяйственного управления право одним махом выбросить в мусорный ящик сотни всяких предписаний, которые регулировали экономическую жизнь и цены. Мне было поручено, в рамках указанных принципов, «провести необходимые мероприятия в области экономической жизни» и «определить в отдельности те товары и те виды труда, которые следует освободить от действия предписаний по регламентации цен». Для меня это означало: как можно скорее устранить возможно

большее количество предписаний по регламентации народного хозяйства и цен.

Уже на следующий день было опубликовано «Распоряжение, касающееся образования цен и контроля цен после валютной реформы», в связи с чем десятки предписаний, регулировавших цены, потеряли свою силу. При этом мы прибегли к единственно возможному методу — мы отказались от перечисления всего того, что теряло силу и точно обозначили лишь все то, что еще должно было оставаться в силе. Таким образом, был сделан огромный шаг в направлении к цели, которой является освобождение хозяйства от непосредственного воздействия бюрократии. Выступая на партийном съезде Христианско–демократического союза британской зоны в Реклингхаузене 28 августа 1948 года, я пояснил эти мероприятия следующими словами:

«Дело совсем не обстояло так, что поступая разумно, мы располагали возможностью свободного решения. То, что мы должны были сделать при тогдашних условиях, это — снять оковы. Мы должны были быть готовы к этому, чтобы наконец снова возродить нравственные принципы в нашем народе и положить начало оздоровлению нашего общественного хозяйства.

Тот поворот в экономической политике, который был совершен переходом от принудительно–направляемого хозяйства к рыночному, означает много больше, чем экономическое мероприятие в узком смысле этого слова. Нет, мы поставили нашу общественно–экономическую и социальную жизнь на новые основания и указали ей путь вперед. Мы должны были отречься от нетерпимости, которая через духовную несвободу ведет к тирании и тоталитаризму. Мы должны были прийти к такому порядку, при котором устремленность к целому была бы осмысленной, органической, основывалась бы на добровольном подчинении и руководилась сознанием ответственности».

Широкая общественность так никогда полностью и не осознала, что разыгрывалось за кулисами этого перехода к свободному рыночному хозяйству. Приведу лишь один пример: строгие предписания американских и английских контрольных инстанций предусматривали необходимость предварительного разрешения для каждого изменения предписаний, касающихся цен. Союзники, правда, не учли того, что кому–нибудь может придти в голову не изменить, а отменить распоряжения, регулирующие цены. Союзники не ожидали, что немец сможет проявить столько смелости через столь короткий срок после окончания войны, — это не укладывалось в категории мышления оккупационного управления вскоре после одержанной полной победы. Мне помогло то, что генерал Клей, пожалуй, самая

сильная личность среди членов Верховной комиссии, поддерживал меня и прикрывал своим авторитетом мои распоряжения. Ценообразование немецких потребительских товаров и важнейших продуктов питания было таким образом изъято из–под контроля союзников. Правда, этот первый успех еще не означал, что в дальнейшем союзники откажутся от попытки оказать влияние на восстановление немецкой экономики согласно их представлениям. Именно в последующее время один конфликт сменял другой. Расхождения касались демонтажей, сокращения налогов, свободы промыслов, ценообразования при перепродаже, устройства профессиональных центров, реорганизации по–новому нашей внешнеторговой политики и т. п.

Эти критические замечания, однако, не могут и не должны умалить то чувство благодарности, которое испытывает федеральное правительство и весь немецкий народ к США и его гражданам за помощь по плану Маршалла. Эта широкая и даже великодушная помощь, оказанная в рамках плана Маршалла и смежных с ним программ, превысила за время с апреля 1948 г. по конец 1954 г. сумму в полтора миллиарда долларов. К этому следует прибавить те существенные поставки, которые мы получали еще до начала плана Маршалла из средств GARIOA и размер которых с 1946 по 1950 год выражается в сумме в 1, 2 миллиарда долларов.

Всеобщая забастовка против рыночного хозяйства

В истории немецкой экономики одной из самых драматических эпох было в особенности второе полугодие 1948 года. Происходила борьба между идеей освобождения рыночного хозяйства и упорствующими силами принудительно–направляемого хозяйства. Правда, некоторые обстоятельства экономического положения и не способствовали тому, чтобы вызвать решительное и безусловное доверие к правильности такого прорыва к экономической свободе. В первые месяцы после реформы индекс цен повсеместно значительно возрос. Почти бесполезно было повторно напоминать, что несмотря на то, что 18 июня 1948 года и существовали официально установленные, сравнительно низкие цены, но товаров по этим ценам тогда не было, и что ныне уплачиваемые цены в немецких марках представляли собой лишь незначительную долю размера соответственных цен в рейхсмарках, которые уплачивались на черном рынке в месяцы перед валютной реформой.

Самой важной задачей было не дать себя смутить этой бурной неразберихой и остаться твердым даже тогда, когда профсоюзы призвали — 12 ноября 1948 г. — ко всеобщей

забастовке, чтобы при помощи такой решительной меры покончить со свободным рыночным хозяйством. В Экономическом совете царило смятение. Почти во всех письменных столах Хозяйственного управления — руководитель которого так решительно боролся против направляемого хозяйства и предписанных цен — тайком лежали наготове новые варианты только что отмененных распоряжений. Само Хозяйственное управление усомнилось в правильности положений, которые защищал его руководитель.

В конце августа 1948 года я заявил следующее:

«Я остаюсь при своем мнении и будущее покажет, что я был прав. Маятник цен сейчас повсюду нарушил границы нравственного и допустимого. Это произошло под давлением факторов, которые увеличивают себестоимость продукции, и под влиянием опьянения, вызванного теми деньгами, которые были выданы на каждого человека при валютной реформе в обмен на старые деньги. Но скоро наступит время, когда конкуренция заставит цены вернуться в нормальное состояние, — а именно, к тому, которое обеспечивает наилучшее взаимоотношение между заработками и ценами, между номинальным доходом и уровнем цен».

Казалось, что мое тогдашнее заявление совершенно не соответствовало положению вещей, и я получил репутацию неисправимого оптимиста. Когда же несколько месяцев спустя факты доказали, что я был прав, — меня «произвели» в современного экономического пророка.

Оправдало ли развитие жизни то, что я предвидел?

После реформы казалось, что наша экономика столкнулась с такой готовностью покупателя к потреблению, которая, казалось, никогда не кончится, — царило поистине безграничное желание восстановить утраченное. Столь же сильной была потребность восстановить и восполнить утерянное и недостающее и во всех отраслях хозяйства. В жилищном строительстве накопились требования, которые, казалось, невозможно будет удовлетворить, принимая во внимание военные разоружения, а также необходимость разместить восемь миллионов беженцев. Если в первые дни после валютной реформы казалось, что спрос и предложение взаимно выравненны, то очень скоро эта картина изменилась. Припрятывание товаров, нравственно предосудительное, о котором так много говорилось, в кратчайший срок отошло в прошлое. Как для предпринимателя, так и для потребителя деньги снова приобрели свое прежнее значение. В этом отношении оказалось правильным, что снабжение предприятий деньгами было подвержено

сознательному ограничению. Торгово–промышленные предприятия были вынуждены спешно предлагать покупателю текущую продукцию и ликвидировать имевшиеся на складах товары.

Борьба за крепкие нервы

Все больше разрасталось тогда возмущение против припрятывания товаров, которое уже стало для всех очевидным, хотя вдумчивые люди давно уже знали об этом. И нужно было иметь некоторое мужество для того, чтобы высказать то, что экономически было разумно:

«Вы знаете, что меня упрекают в том, будто я — «ангел–хранитель» тех, кто припрятывает товары. Подобная клевета меня не затрагивает. Припрятывание, как индивидуальное мероприятие, вызывает мое презрение. Но я считаю себя обязанным указать на то, что радикальное опустошение складов нашей экономики с необходимостью привело бы к тому, что освобожденная валютной реформой покупательная способность натолкнулась бы на пустоту. В таком случае валютная реформа с первого же дня оказалась бы обреченной на провал, или нам пришлось бы снова закабалить народ под проклятие экономической бюрократии с помощью государственного направляемого хозяйства и устанавливаемых государством цен. Ведь необходимо учесть, что «припрятывание» как таковое, то есть как явление народного хозяйства, было неизбежным феноменом в проведении самой валютной реформы, с которым надо было считаться, когда мы ее задумывали. Нечестно возмущаться, когда нам доподлинно известно, что если бы у нас не было этих запасов в результате «припрятывания», то всей валютной реформе, быть может, суждено бы было провалиться».

Трудности имели ясно различимую причину. Текущие заработки, как и те деньги, которые были выданы при реформе на каждого человека, так и сбережения, которые были переведены из рейхсмарок в немецкие марки (последние две суммы вместе достигали 3,5 миллиардов нем. марок) - все это хлынуло немедленно и исключительно в потребление. Безвременно умерший в 1950 г. близкий мой сотрудник Леонхард Микш отмечал в октябре 1948 г., что для наступившего после валютной реформы развития характерно значительное увеличение количества денег, на которое немецкие инстанции не имели никакого влияния. Вот что он писал:

«Пора обратить внимание общественности на этот факт, который находится в резком противоречии с ожиданием решительного оздоровления, купленного исключительно тяжелыми жертвами тех, кто делал сбережения. Если после

стабилизации 1923 г. в течение ближайших месяцев общее денежное обращение возросло примерно на 90% - с 1488 миллионов на 30 ноября до 2824 миллиона на 31 марта 1924 года — то в 1948 году оно возросло за три с половиной месяца — 30 июня по 15 октября — на 156%: с 2174 миллиона на 5560 миллионов». [2]

Количество денежных знаков, бывших в обращении, возросло к 31 декабря 1948 года даже до 6,641 млрд. марок (включая Берлин). Естественным последствием такой текучести денег было то, что спрос должен был расти быстрее предложения — тем более, что ввиду недостатка импортного сырья предложение не было еще достаточно гибким. К тому же с возрастающей текучестью средств побуждение ликвидировать запасы складов уже не было столь велико. Даже то обстоятельство, что освобождения хозяйства было достаточно для того, чтобы производство возросло с середины до конца 1948 г. в среднем на 50% - это само по себе уже удивительный успех рыночного хозяйства — не могло помешать тому, что цены осенью 1948 г. поднялись довольно сильно.

Многие поэтому склонялись к тому, чтобы отречься от тех свобод, которые мы себе незадолго перед тем снова завоевали. На такой соблазн можно было ответить лишь следующим образом:

«Или мы потеряем нервы и поддадимся злобной, демагогической критике и тогда мы снова окажемся в состоянии рабства. Тогда немцы снова потеряют свободу, которую мы им столь счастливым образом вернули, тогда мы снова вернемся к централизованному экономическому планированию, которое постепенно, но неотвратимо приведет нас к принудительной хозяйственной системе, к хозяйству бюрократических учреждений и, наконец, к тоталитаризму». [1]

Развитие цен, действительно, внушало беспокойство. К концу года все цены, сравнительно с июнем 1948 года, значительно возросли.

Общий индекс цен промышленных товаров

Стоимость жизни (1938 = 100)

1948	(1949 = 100)	Питание	Одежда	Хоз. принадлежности	Отопление и освещение
Июнь	91	142	201	189	105
Сентябрь	101	147	244	202	115
Декабрь	104	168	271	211	119

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Но, как часто бывает в экономике, то, что было непопулярно, а в данном случае даже то, что было отрицательным в

социальном отношении, имело, с точки зрения экономической, свою положительную сторону. Весьма возможно, что эти исправления цен частично превысили меру необходимого в смысле приспособления к изменившейся себестоимости — в результате чего производители естественно получили значительный доход. Это вызвало раздражение и привело к искажению в оценке социальной перспективы. Но эти доходы были лишь в самой незначительной доле использованы на личные нужды производителей — они заменили капитал, который должны были бы дать новые сбережения и который в то время еще не мог быть полностью реализован. Капитал же из старых сбережений был в весьма значительной степени уничтожен валютной реформой. Можно, конечно, критиковать такой способ капиталообразования, но в свое время он послужил фундаментом для воссоздания потерянных или уничтоженных капитальных ценностей.

Ложный курс в налоговой политике

Вынужденность такого развития все же привела к тому, что в этот первый период после реформы продукция смогла значительно возрасти, и что население могло поместить свой возрастающий доход в товары. Эта необходимость инвестировать средства, которая проводилась через соответствующее установление цен, нашло свое отражение и в налоговой политике. Вместо действительного снижения налогов закон военного управления за №64 от 20 июня 1948 г. предусматривал относительно широкие возможности списывать налоги и пользоваться целым рядом других послаблений.

Когда налоговая политика снова была передана в немецкие руки, это общее направление налогового законодательства было сохранено. Постоянно выдвигались новые мероприятия, которые должны были побудить людей к участию в капиталовложениях. Законодательство стремилось также побудить людей к сверхурочной работе — заработок за сверхурочную работу оставался свободным от налогового обложения. Эти мероприятия представляли собой прекрасное добавление к тому радостному чувству, которое люди, наконец, снова стали испытывать при мысли о работе, так как вознаграждение, которое они получали за свой труд, давало им возможность приобрести что–то реальное и устраивать жизнь свободно, по своему желанию.

Достаточно просмотреть статистику, показывающую, по категории рабочих в промышленности, количество рабочих часов за неделю, чтобы убедиться в последствиях происшедших перемен. Появившаяся вновь радость труда очень скоро привела к удлинению рабочего времени — лишь совсем недавно мы

отметили некоторую тенденцию к его сокращению. За период с 1949 г. производительность экономики выросла более, чем на 60%, что позволило приступить к сокращению рабочего времени, которое, несомненно, желательно с социальной точки зрения. Но такое сокращение должно происходить спокойно и постепенно, чтобы с этой стороны не возникло угрозы для общего показателя продуктивности народного хозяйства и для стабильности валюты.

Недельное рабочее время (выражено в часах, работа в шахтах не принята в расчет)

Год	Мужчины	Женщины	Все рабочие промышленности
1947	39,8	36,1	39,1
1948	43,0	40,0	42.4
1949	47,3	43,8	46,5
1950	49,1	45,5	48,2
1950	49,0	45,2	48,0
1952	48,5	44,7	47,5
1954	49,5	45,9	48,6
1956	49,0	45,5	48,0

(Источник: Федеральное статистическое бюро. Цифры, включая первые данные за 1950 год, относятся к Объединенной экономической зоне, начиная со вторых показателей за 1950 год — ко всей территории Германской Федеративной Республики)

Казалось бы, что здесь налоговая политика является правильным восполнением всей системы экономики. Но в действительности развитие налогового законодательства пошло по пути, который в дальнейшем нередко приводил и к конфликтам с экономической политикой: иными словами, налоговая система подчас становилась средством, при помощи которого государство часто предоставляло преимущества и льготы или же которым оно пользовалось нежелательным образом, чтобы оказать влияние на экономику.

Возвращаясь еще к вопросу о повышении цен, нужно отметить, что значительную опасность для того времени представляло собой сокрытие денег. Количество денег, находившихся в обращении, все время пополнялось из непрекращающегося потока государственных денежных выпусков. После 8 августа 1948 г. был отменен, ощущавшийся как очень тягостный, запрет предоставления кредитов из текущих банковских счетов, благодаря чему краткосрочный банковский кредит снова получил возрастающее значение.

Это указание не носит характера критики, ибо необходимость этих мероприятий для народного хозяйства стала несомненной. Таким путем объем кредитов тем временем возрос с 1,4

миллиарда в конце июля 1948 г. до 3,8 миллиарда в конце октября и до 4,7 миллиарда немецких марок к концу года. В течение последующего года краткосрочные ссуды возросли еще на 5,1 миллиарда. Открывшаяся возможность получения кредитов способствовала, естественно, тому, что появилось желание придерживать товары на складах, так как частным предприятиям это казалось выгодным в связи с намечавшимся повышением цен. Такою была ситуация осенью 1948 года, и она была далеко не благоприятной.

Цены понижаются

Оптимизм, над которым сначала смеялись, оказался, однако, вполне оправданным реализмом: в первом полугодии 1950 г. уровень цен в розничной торговле был на 10,6% ниже, чем в первом полугодии 1949 г. В силу этого Западная Германия перестала принадлежать к числу тех государств, которые, казалось бы примирились с политикой беспрерывно растущих цен. Сравнение международных данных о дальнейших изменениях в стоимости жизни показывает, что эту «твердую» политику можно было продолжать и в последующие годы (1954–1956 гг.), несмотря на вызванный корейской войной кризис и высокую конъюнктуру:

Индекс стоимости жизни (1950 = 100)

	ГФР	Норв.	Швец.	Вели кобр.	Франц	Итал.	США	Швейц	Нидерл
Средняя за 1952 г.	110	126	125	119	131	114	110	108	101
Средняя за 1956 г.	113	141	138	137	133	129	113	110	108
Июнь 1957 г.	115	145	144	142	134	131	117	112	120

(Источник — Федеральное статистическое бюро).

Совершенно очевидно, что экономическая политика взяла тогда курс, влияние которого явно ощущается по сей день. Наряду с преимущественно положительными последствиями этого курса, он оказал также влияние на изредка появлявшиеся переизбытки платежных балансов. Но каким образом осуществился этот поворот, многим казавшийся сенсационным, основы и начала которого были заложены той политикой, которая была принята на стыке 1948–1949 годов?

Существенным элементом стабилизации была, несомненно, политика в области зарплаты; эта политика первоначально — несмотря на значительную еще безработицу — не следовала по пути, по которому шло повышение цен. Ограничение зарплаты оставалось еще в силе, хотя этот принцип и несовместим со свободным рыночным хозяйством. Вполне последовательно было поэтому издание закона об отмене ограничений зарплаты от 3 ноября 1948 года. Лишь благодаря этому закону профсоюзы снова получили свободу действия. Между прочим и это было бы немыслимо, если последовательная отмена направляемого хозяйства не имела бы места.

Политика в области заработной платы, которую проводили профсоюзы, была относительно сдержанной, несомненно, также в силу того, что попытка сорвать и ликвидировать новую экономическую политику путем всеобщей забастовки 12 ноября 1948 года полностью провалилась. В этот день общественное мнение дало понять руководству профсоюзов, что последнее находится на ложном пути, пытаясь вести непримиримую борьбу со свободным рыночным хозяйством.

Трудящиеся уже поняли, разобравшись в сложности происходившего, в сколь сильной степени начавшееся тогда развитие, несмотря на некоторые тягостные затруднения, все же в конечном итоге идет им на пользу.

Все обвиняют друг друга

Нужно признать, однако, что не одни только профсоюзы в то время выступали с резкой критикой. Достаточно заглянуть в газеты того времени, чтобы убедиться в этом. Страну как бы захлестывал пессимизм. Вот всего несколько газетных заголовков в качестве примера: «Цены невозможно догнать». «Эрхард исчерпал свою мудрость». «Хаотическая картина цен». «Специалисты–экономисты — за возврат к направляемому хозяйству» и т. п.

Быть может, еще более опасным было то положение, что даже в среде самих участников хозяйственной жизни начались взаимные обвинения. Каждый пытался приписать вину своему партнеру — промышленность обвиняла торговлю, торговля — промышленность, городские жители обвиняли сельское население и наоборот. Тут могла быть только одна линия поведения — во что бы то ни стало оставаться стойким! Эту исключительную историческую ситуацию стоит запечатлеть, ибо на основании всего опыта можно по справедливости утверждать, что ни одно правительство и ни один парламент позже не смогли бы проявить необходимую выдержку, чтобы ввести и сохранить систему свободного рыночного хозяйства.

Тем временем заработная плата всех рабочих за один рабочий час поднялась с 0,99 нем. марок в июне 1948 года до 1,13 нем. марок в декабре 1948 года. Это было, конечно, значительное повышение, но оно не выходило за рамки общего повышения производительности. Ни на каких других соотношениях нельзя более убедительно показать все благотворное действие реформы, как на росте продукции за один рабочий час. Показатели производства поднялись с 62,8% (базис 1936 г.) в июне 1948 г. до 72,8% в декабре и до 80,6% в июне 1949 г. — то есть примерно на 30% в течение одного года с момента начала валютной реформы (см. таблицу).

Валютная и экономическая реформы повышают продуктивность

Показатель продукции за рабочий час

1936 = 100

1948*	
Июнь	= 62,8
Сентябрь	= 72,4
Декабрь	= 72,8
1949	
Март	= 78,5
Июнь	= 80,6
Сентябрь	= 82,1
Декабрь	= 82,7
1950	
Март	= 87,7
Июнь	= 90,0
Сентябрь	= 98,0
Декабрь	= 93,6
1951	
Март	= 100,2
1950 =100	ежегодный прирост
1949 = 90,3	
1950 = 100,0	+ 10,7%
1951 = 108,2	+ 8,2%
1952 = 112,3	+ 3,8%
1953 = 119,2	+ 6,1%
1954 = 126,0	+ 5,7%
1955 = 133,8	+ 6,2%
1956 = 139,1	+ 4,0%

** Только британская и американская зоны.*

(Источники: Федеральное правительство и Федеральное статистическое бюро).

Поздней осенью 1948 г. Банк немецких земель посчитал

возможным применить впервые традиционные мероприятия эмиссионных банков. Банк одновременно повысил минимальный резерв с 10 до 15% и ограничил переучет теми случаями, когда банковский акцепт служил финансированию внешней торговли или закупке сырья, или же когда это было необходимо в порядке следования установленной правительством продовольственной политики. В ходе этих мероприятий, начавшихся 1 декабря 1948 г., кредитным учреждениям было предложено сократить объем кредитов по возможности до того размера, который они имели в конце октября 1948 г.

Кроме этих мероприятий Банка немецких земель, сдерживающее влияние стали проявлять также еще и другие факторы: в связи с выплатой в конце сентября 1948 года причитавшейся на душу населения второй квоты новых денег (немецких марок) кончился приток денег, выпускаемых в порядке финансового суверенитета государства. Переключение старых вкладов в рейхсмарках закончилось к концу года. Новое обстоятельство в то время оказало нам помощь (оно и до сих пор занимает наше внимание): официальные государственные бюджеты впервые могли показать в последнем квартале 1948 года некоторые излишки, что имело положительные последствия в смысле противодействия инфляционным тенденциям.

Из того духа свободы, который нашел свое наиболее ясное выражение в отказе от принудительно–направляемого хозяйства, родилось также и стремление привести в порядок государственный бюджет путем систематического сокращения расходов. 28 июня было издано постановление об обеспечении валюты, упрочении государственных и общественных финансов. Согласно этому постановлению администрации было запрещено набирать новых служащих и повышать оклады, служебные поездки были сведены до минимума. Это распоряжение, несомненно, отражало благие намерения, но нужно сказать, что его предписания были осуществлены только в Хозяйственном управлении, которое в то время обслуживалось весьма многочисленным персоналом. Когда я принял руководство Хозяйственным управлением, расположенным в городе Хёхст, в этом учреждении, вместе с его специальными отделами, было две с половиной тысячи служащих. К 1949 году удалось сократить количество служащих до 1647 человек.

Каталог уместных цен и программа широкого потребления

Попытки Хозяйственного управления стабилизировать цены нашли свое отражение в периодической публикации каталога уместных цен. Этот каталог, выработанный совместно с торгово–

промышленными кругами и профсоюзами, должен был определять, какие цены, при правильной калькуляции, должны были почитаться уместными для отдельных предметов потребления. Первый каталог цен, опубликованный 11 сентября 1948 г., указывает, в частности, цену мужских полуботинок в размере от 24.50 до 30.00 нем. марок. В это же время вступила в действие и «программа широкого потребления», в процессе которой, к примеру, в августе 1948 года было произведено 700.000 пар обуви по особо точно исчисленным ценам.

Наконец нужно упомянуть «закон против произвольного завышения цен», который вошел в силу 7 октября 1948 г. и до сих пор является объектом оживленных споров в парламенте. Но, если утверждать, что этот закон был одной из подлинных причин, приведших к наступившему впоследствии изменению цен, то это едва ли соответствует действительности, а скорее даже прямо противоречит ей.

Этот счастливый поворот наступил благодаря достигнутому экономическому равновесию. Этому повороту способствовало и то, что с конца 1948 г. на мировом рынке наметилась тенденция к падению цен. Значение имело также то, что благодаря помощи по плану Маршалла значительно улучшилось снабжение сырьем. И, действительно, с начала 1949 г. сырье и машины стали усиленно поступать на предприятия. В то время, как, например, за первое полугодие 1948 г. стоимость коммерческих и некоммерческих импортных товаров достигла уровня 1,2 млрд. нем. марок, в те же месяцы 1949 г. стоимость этих товаров повысилась уже до 3 миллиардов немецких марок. Все эти факторы значительно способствовали успеху всего начинания. Таким образом первый период восстановления немецкого хозяйства прошел под знаком уже упомянутой бурной неразберихи в области цен и одновременно значительного повышения ставок реальной заработной платы и огромного роста производства.

Быстрый рост производства после денежной реформы

(1936 = 100)	2–ой квартал 1948 г.	4–ый квартал 1948 г.
Вся промышленность (без строительства)	52,1	75,4
Промышленные товары	46,4	68,3
Средства производства	46,6	75,7
Товары ширпотреба	43,4	66,6
Пищевая и пищевкусовая промышленность	55,0	78,8

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Такое корректирование цен в сторону достижения равновесия на изменившемся номинальном уровне оказалось нужным и было даже неизбежно. Расхождение же («ножницы») между ценами и покупательной способностью потребителей стало, наоборот, все сильнее сокращаться в пользу потребителей. В течение нескольких недель картина резко изменилась. Потребитель уже не соглашался платить любую цену; увеличивалось количество заказов, отмененных из–за недостатка денег. В газетах появлялись заголовки вроде «Тревожные сигналы в секторе товаров ширпотреба» и т. п.; при этом было характерно, что пессимистические прогнозы склонны были теперь обернуться в противоположном направлении.

Второй период

В первый период после денежной реформы многие думали, что рост цен будет продолжаться. Затем с такой же страстностью высказывались опасения, что наступит падение цен, которое лишит экономику возможности покрывать свои расходы. Падение цен, которое наблюдалось до начала корейского кризиса, во всяком случае ясно показало потребителю несомненное преимущество рыночного хозяйства по сравнению со всеми формами государственного вмешательства в хозяйственную жизнь. Это сознание было бы, конечно, еще более сильным, если бы «средний человек» имел возможность провести сравнение цен в Германии с ценами в других странах. В то время, когда в Западной Германии цены понижались, в других странах наблюдалось значительное повышение цен:

Стоимость жизни (1950 = 100)

	1949	1950
ГФР	107	100
Франция	90	100
Австралия	91	100
Нидерланды	92	100
Великобритания	97	100
Канада	97	100
США	99	100
Италия	101	100
Швеция	101	100

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Примечательно для этого периода общей стабилизации цен то, что к середине 1950 г. большинство наиважнейших показателей вернулись к исходному уровню середины 1948 года. Индекс стоимости жизни для рабочей семьи, состоящей из четырех человек, в последнем квартале 1948 года был равен 166,

средний годовой индекс за 1949 год снизился до 160, а в июле 1950 года упал до 149. Показательное впечатление, вызванное снижением цен, было тем более убедительным, что за тот же отрезок времени зарплата повысилась.

Правда, этот процесс начался уже во втором полугодии 1948 г., но именно 1949 г. представляется в особо сильной мере периодом решительного повышения реальной заработной платы. Но, в отличие от последующих периодов, когда заработная плата начала усиленно расти, для 1949 года характерно сочетание повышения номинальной зарплаты с понижением цен, что влекло за собой решительное улучшение реальной зарплаты. Именно в этом проявляется особенность этого второго периода после валютной реформы середины 1948 года.

Часовая заработная плата промышленных рабочих–мужчин возросла с 1,22 нем. марки в декабре 1948 года до 1,33 нем. марки в декабре последующего года. В июне 1950 года она была равна 1,36 марки. За тот же период индекс стоимости жизни (при индексе 100 за 1938 год для территории Федеративной республики по потребительской схеме 1949 года) упал со 168 в январе 1949 года до 151 в июне 1950 года. Таким образом реальная зарплата промышленных рабочих (то есть соотношение между недельным заработком — брутто и индексом стоимости жизни) возросла в 1949 году на 20,5%.

Эти противоположные тенденции зарплаты и цен подчеркивали самую сущность социального рыночного хозяйства. В то время я постоянно указывал общественности на это развитие, желая разъяснить здесь на конкретных жизненных примерах внутренние законы рыночного хозяйства, оптимальным или идеальным выражением которого является увеличение заработка при понижающихся ценах.

Но и этот период не был вполне свободен от трудностей. Кратко были уже отмечены факторы, определявшие собой это развитие: приспособление уровня цен к наличной покупательной способности потребителей при одновременном увеличении производства товаров, однако одновременное сдерживание конъюнктуры при помощи излишков казначейства; затем — тормозящее влияние распространявшегося в США спада, а также необходимость приспосабливаться в связи с тем, что с осени 1948 года началась либерализация и усиление ввоза.

Эти силы, которые, правда, были пущены в ход сознательно, привели к тому, что впервые за полтора десятилетия, на внутригерманском рынке стало снова заметно ощущаться давление международной конкуренции. В этот столь значительный послереформенный период развития

промышленность впервые была вынуждена пересмотреть свои производственные планы. Эти планы возникли в изоляции от других стран и носили на себе еще слишком явные следы идеологии автаркии — промышленность должна была снова обратить свое внимание также и на возможности сбыта.

«Король–покупатель»

Давление понижающихся цен привело к явлению, знакомому немецким потребителям лишь из воспоминаний далекого прошлого. Покупатель снова стал «королем», у нас появился рынок, лицо которого определял покупатель. Но насколько неумелыми, неловкими, были первые попытки покупателя в этой новой обстановке, которую внезапно создала немецкая экономическая политика! Потребитель стал сдержанным, ибо он, естественно, ожидал, что быть может завтра или послезавтра он сможет закупить еще дешевле. Покупатель снова научился старательно взвешивать любую покупку. Эта новая установка потребителя была совершенно необходима для нашего дальнейшего хозяйственного развития. Без этой суровой школы нам было бы трудно изгнать из сознания людей столь крепко укоренившуюся психологию «рынка продавцов», для которой стали совершенно чуждыми понятия, характерные для свободного рыночного хозяйства.

Этот заново возникший «рынок покупателей» вызвал естественно определенные последствия. Заметна была несомненная сдержанность в готовности к капиталовложениям, целью которых было лишь расширение производственной мощности предприятий. Мышление предпринимателей проделало эволюцию в том смысле, что оно определялось уже не только соображениями производственной экономики: на первое место стали выдвигаться соображения, связанные с требованиями рынка. Главную роль начали играть капиталовложения, направленные на рационализацию производства. Многие представления, которые почитались нерушимыми в эпоху «рынка продавцов», оказались теперь неверными и необоснованными.

Статистика роста производительности ясно отражает этот период. С декабря 1948 г. по июнь 1950 г. в Западной Германии производительность рабочего часа возросла с 70,3 до 89,0 процентов (по отношению к 1936 году). Особенно основательная рационализация проводилась, главным образом, в тех отраслях хозяйства, где давление конкуренции становилось особенно ощутимым. Если сравнить, к примеру, результаты роста производительности труда в первом и втором полугодии 1949 года, то за этот короткий промежуток времени можно отметить повышение в текстильной промышленности с 82,2 до 95,7, в

обувной промышленности с 69,0 до 75,8 и в строительстве транспортных средств с 49,1 до 65,7 процентов. Показательно, что угольная промышленность, которая в то время еще целиком оставалась вне рыночного хозяйства, могла показать улучшение производительности лишь с 61,5 до 62,5%. (100 — показатель производительности одного рабочего часа в 1936 году. Источник: Федеральное статистическое бюро).

Едва ли нужно еще указать на то, что только благодаря этим большим успехам в деле рационализации оказалось возможным провести упомянутое повышение заработной платы, не подвергая опасности устойчивость цен.

Наследие обманчивой всеобщей занятости

В связи с этим необходимым развитием безработица неизбежно вылилась в очень серьезную проблему. Это последствие, конечно, очень малоотрадное, зачастую стало служить поводом для того, чтобы проклясть новую экономическую политику.

Однако, такая реакция в то же время весьма показательна для недостатка терпения, проявляемого многими людьми по отношению к развитию, которое по необходимости должно быть длительным. Я постоянно подчеркивал, что обеспечением простой, фактической занятости немецкому рабочему и всему немецкому народу в целом еще не будет оказано настоящей услуги. Для обеспечения существования народа нужно было создать верные, постоянные, то есть рациональные места работы.

Безработица того времени выросла из призрачной всеобщей занятости, наблюдавшейся перед денежной реформой, и к концу 1948 года достигла цифры в 760.000 человек. Безработица продолжала расти в течение всего 1949 года и увеличивалась даже в летние месяцы. Число безработных росло из месяца в месяц — с 960.000 в январе до 1,56 миллионов к концу года. Какое это было трудное время для деятеля экономической политики, обремененного ответственностью! И, как всегда, снова стали предсказывать крушение моей экономической политики.

Рост количества безработных не был бы так велик, если бы не появлялись все новые рабочие руки, особенно из потока беженцев, которые требовали работы. В пылу полемики мои критики забывали, — скорее всего по соображениям партийной политики, — что сами они перед валютной реформой уверенно предсказывали возникновение армии безработных в размере от 4 до 5 миллионов человек. А после денежной реформы они нападали на меня за количество безработных — несравненно меньшее их собственных прогнозов. Безработица была почти исключительно результатом притока новых рабочих рук. Лучше

всего это видно из статистики работающих, которая с конца 1948 года по конец 1949 года отметила сокращение лишь в размере 150.000. В то же время высшая «точка» безработицы, обусловленная «мертвым» сезоном, в феврале 1950 года показала на 1,2 миллиона больше безработных, чем в конце 1948 года. В глазах специалистов этот огромный приток рабочих рук был свидетельством несомненно скорее в пользу свободной экономической системы, чем против нее. А именно этот приток доказывал, какому множеству жителей в Западной Германии работа снова казалась стоящей, хотя, конечно, и необходимой.

К тому же времени относится и другое чреватое последствиями мероприятие, которое по своему значению, пожалуй, не уступает реформам середины 1948 года. Это был переход к совершенно иной политике во внешней торговле; эта политика сознательно вела немецкую экономику к соприкосновению с международной конкуренцией. Для того, чтобы картина была полной, нужно напомнить в этой связи и о проведенном снижении стоимости немецкой марки. 19 сентября 1949 года была проведена девальвация на 20% и одновременно был установлен новый паритет по отношению к доллару — 4,20 НМ (вместо 3,33). Это снижение ценности марки нашло свое отражение в развитии внешней торговли.

В заключение необходимо подчеркнуть то особенно значительное обстоятельство, что Федеративная Республика проявила мужество — в процессе начавшегося вслед за Великобританией снижения ценности почти всех европейских валют — провести меньшее снижение, чем Великобритания и Франция и принять на себя, таким образом, отрицательные последствия в предстоящей экономической конкуренции.

Как решительно изменилось положение за те пятнадцать месяцев, которые прошли с момента, когда первое федеральное правительство приняло бразды правления! С октября 1949 года до декабря 1950 года нам удалось утроить экспорт.

Внешняя торговля и девальвация НМ.

Средние и месяц	Вывоз		Ввоз	
	НМ	доллары	НМ	доллары
1949 1–3 квартал	326,4	93,2	579,8	177,9
1949 4 квартал	399,3	94,6	875,8	211,7
1950 1 квартал	502,3	118,8	832,3	197,9
2 квартал	596,3	140,6	737,8	175,5

3 квартал	727,3	171,3	939,7	223,3
4 квартал	963,5	229,4	1280,5	304,4

(Источник: Отчет федерального правительства по плану Маршалла за 1949–51 гг.).

Однако, как и следовало ожидать, либерализация внешней торговли привела к столь сильному росту импорта, что, несмотря на увеличение экспорта, баланс внешней торговли оказался пассивным. При этом ввозимые товары предназначались не только для удовлетворения растущего потребления, — они были также необходимы в качестве сырья для изготовления продуктов, которые впоследствии можно было бы снова экспортировать. Этот процесс требовал времени и — крепких нервов. К затруднениям, связанным с безработицей, присоединились, таким образом, заботы, вызванные пассивным балансом нашей внешней торговли. Чисто коммерческая (в узком смысле слова) внешняя торговля в 1949 году закончилась пассивным сальдо в размере 158 миллионов долларов, а в 1950 году в размере 243 миллионов долларов; общий же внешне–торговый баланс показал пассив: в 1949 году 1,114 миллиардов долларов, а в 1950 году — 0,723 миллиарда долларов.

Усиленное предоставление кредитов — универсальное средство от всех бед?

При таком положении вещей министр хозяйства не мог дольше оставаться бездеятельным наблюдателем. Мой диагноз был — внутреннее хозяйство стеснено и испытывает затруднения, наличные средства производства не использованы оптимальным образом. Правда, индекс промышленной продукции возрос с 75,2 в декабре 1948 года до 96,1 в декабре 1949 года (1936 = 100). Принимая во внимание безработицу, можно было думать, что положение внутреннего хозяйства требовало широкого размаха кредитной политики, которой должны были сопутствовать другие мероприятия, направленные на расширение производства. Действительно, повсюду раздавалась критика моей экономической политики, якобы направленной на борьбу с обесценением денег, все требовали расширения кредитов. Но при этом обнаружилось с предельной ясностью, что эти критики все меньше думали о сохранении стабильности валюты.

Скоро, таким образом, возник единый хор критиков, который охватывал круги, начиная от политической оппозиции и кончая западными союзниками, которые в бесчисленных меморандумах также пытались показать преимущество полной занятости перед сохранением стабильности нашей валюты. Этот спор возник в середине декабря 1949 г. и продолжался несколько недель. Поводом для этого спора послужил меморандум федерального

правительства, в котором намечались основы дальнейшего развития плана Маршалла.

Сторонники английского тезиса о полной занятости, основанного на идеологии национализированного хозяйства, и приверженцы «дешевых денег» и «политики лишений» заключили неожиданный союз с американскими чиновниками Верховной Комиссии, которые, будучи встревожены тем, что импорт значительно превышал экспорт, озабоченно задумывались о приближавшемся конце помощи по плану Маршалла. Таким образом, почти все силы пошли в атаку на немецкое рыночное хозяйство. При этом они забывали, что мы можем достаточным образом укрепить наше положение на мировом рынке только при условии повышения производительности и путем свободной конкуренции при одновременном обеспечении стабильности валюты. Только при таких условиях могли быть созданы основы для обеспечения снабжения значительно возросшего населения Западной Германии.

Я решительно выступил против принудительного и искусственного расширения объема производства. При этом я должен был примириться с тем, что меня будут обвинять в бездействии — это было тем более забавно, что до сих пор меня постоянно упрекали в чрезмерной активности. Однако для меня не могло быть сомнения в том, что легкомысленная политика роста производства в дальнейшем поставила бы под угрозу не только завоеванную нами устойчивость валюты, но и возможность выравнить наш платежный баланс. Мы, таким образом, поступили бы нечестно уже в самом начале того пути, который должен был привести нас к цели — стать честным партнером в мировой торговле. Учитывая всю жизненную важность нашей внешней торговли, нужно было во что бы то ни стало предотвратить такую беду.

Из моих речей того времени явствует, в какой сильной мере я сознательно стремился ориентировать нашу экономику на экспорт. Это было время перед корейским конфликтом. Как один из многочисленных примеров, я приведу то, что мною было сказано на годичном собрании Союза немецких судовых верфей 20 сентября 1950 года:

«Политика внешней торговли, которой мы следуем примерно уже три четверти года, невзирая на частую критику и различные опасения, руководствуется убеждением, что мы не можем выполнить стоящую перед нами народнохозяйственную задачу — иными словами, не можем обеспечить работой и снабжением население, которое по сравнению с довоенным временем возросло на 12 миллионов, но задохнемся в нашем узком

пространстве, если мы не обеспечим себя воздухом за счет внешней торговли…

Мы особенно не имеем права добиваться мнимых успехов таким способом, чтобы через растущее обесценение нашей валюты, которую тем временем нам удалось снова укрепить, выйти на путь инфляционных тенденций: это означало бы еще раз незаметным образом опорожнить карманы вкладчиков и лишить их честно ими заработанных денег. Это был бы, действительно, наиболее омерзительный метод, который можно себе представить».

Оставляя без внимания все несерьезные советы, мы старательно дозировали активность западногерманской экономической политики, чтобы ограничить вред массовой безработицы, не подвергая опасности достигнутые успехи, в особенности обеспечение внутренней ценности нашей валюты и ставшее благодаря ему возможным возвращение Германии на мировой рынок. В эти трудные дни необходимо было сохранять мужество и не делать всего того, что рекомендовали мне подлинные и мнимые друзья. Мне приходилось даже прибегать к «военным хитростям», чтобы противостоять слишком сильному политическому давлению, требовавшему применения опасных и бьющих далеко мимо цели мероприятий.

Средства против спада

Я стремился не уклоняться, таким образом, от того узкого пути, который ведет между дефляцией и инфляцией. Перечень тех случаев, когда министерство народного хозяйства и эмиссионный банк оказывали действенную поддержку предприятиям, показывает, что современное рыночное хозяйство вполне способно действенно противостоять тенденциям спада, не подвергая опасности стабильносгь валюты.

Мероприятия, которые мы тогда проводили и которые были вызваны политико–экономическим положением страны, были, таким образом, старательно продуманы. В конце марта 1949 года Банк немецких земель (государственный банк) отказался от суровой кредитной политики, согласно которой кредиты могли предоставляться только в том же размере, что и в конце октября 1948 года. С 11 июня 1949 года обязательный минимум финансовых резервов был снижен с 15 до 12%, или соответственно с 10 до 9%. 27 мая 1949 года последовало снижение ставки учетного процента на 1/2% и затем 14 июля того же года еще на 1/2%, то есть всего с 5 на 4%. В конце лета 1949 г. банкам была предоставлена специальная дотация в размере 300 миллионов немецких марок; эта сумма должна была быть использована для предоставления долгосрочных кредитов

промышленным предприятиям. 1 сентября было повторно проведено снижение обязательного минимума финансовых резервов, а также снижение ставок по срочным и бессрочным вкладам. Зимой, под влиянием массовой безработицы, мы принуждены были пойти еще дальше в направлении политики расширения производства. Была обещана помощь для финансирования программы по изысканию новых возможностей для применения рабочей силы, а также финансовое вспомоществование жилищному строительству. В итоге на эту особую акцию было предоставлено все же 3,4 миллиарда немецких марок. Краткосрочные кредиты, которые в конце 1948 года достигли 4,7 миллиарда марок, возросли в 1949 году до 5,1 миллиарда марок и увеличились в первом полугодии 1950 года еще на 2,3 миллиарда. Размер сумм, которые банки могли предоставить в качестве средне и долгосрочных кредитов, включая и ссуды Кредитного установления содействия восстановлению, достиг к концу 1949 г., 2,6 миллиарда; за первое полугодие 1950 года эта сумма увеличилась еще на 2 миллиарда.

В апреле 1950 года федеральное правительство приняло решение провести снижение налогов и допустить возвратную выплату уже уплаченных по завышенным налоговым ставкам сумм. Это была одна из мер, которые должны были способствовать усилению потребления и облегчению экономических затруднений. Отметим одно противоречие: в «войне меморандумов» западные союзники критиковали немецкую бездейственность, однако на проведение реформы налоговой системы они первоначально отказались дать свое разрешение. В этой связи уместно вспомнить, сколько энергии было потрачено на споры с союзниками — независимо от того, шла ли речь о размере производства стали, или о разумной политике демонтажа и разукрупнения предприятий, или об использовании так называемых компенсационных средств, или о наиболее целесообразных методах по ликвидации нехватки долларов, или, наконец, о том, как проводить дальнейшую ликвидацию направляемого хозяйства. Едва ли нужно еще указывать на то, что эта фаза в развитии «рынка покупателей» пришлась мне весьма кстати, — я смог ликвидировать ставшие нереальными остатки мероприятий и предписаний, касающихся направляемого хозяйства и регулирования цен.

Оценивая положение за истекший год, я заявил в выступлении по Баварскому радио 27 декабря 1949 года:

«Отходящий в прошлое 1949 год прошел под знаком укреплявшегося хозяйства, которое, однако, одновременно еще набирало силы и расширялось. Я поручился, и именно в

истекшем году, что таким путем нам удастся успешно справиться также и с социальной проблемой. И никто не сможет сейчас отрицать, что реальная покупательная способность, а следовательно, и жизненный уровень немецкого народа не переставали улучшаться, и что это было достигнуто частично благодаря увеличению номинальных доходов, но главным образом путем постоянного улучшения качества предлагаемых товаров при одновременном снижении иен»

В корейском конфликте не было нужды…

Ликвидацию тех трудностей, которые мы преодолевали путем осторожного взвешивания применяемых мер, нельзя приписать исключительно вызванному событиями в Корее бурному оживлению. Утверждать противное означало бы извращать исторические факты. Неуступчивость по отношению ко всем требованиям отказаться от борьбы за устойчивость валюты уже до этого дала положительные результаты. Индекс производства поднялся с 90,9 в январе 1950 г. до 107,6 в июне того же года, причем это почти двадцатипроцентное увеличение было гораздо более значительным, чем соответственное повышение в те же месяцы предыдущего года.

В самой Германии продолжалось снижение цен и соответственно этому расширялся рынок покупателей, что делало экспорт вдвойне привлекательным. Экспорт в соответствии с этим вырос с 485,5 миллионов немецких марок в декабре 1949 г. до 651,9 миллионов в июне 1950 г. За эти шесть месяцев превышение импорта над экспортом сократилось с 532,7 миллионов в январе 1950 г. до всего лишь 138,6 миллионов марок в июне того же года. За это полугодие число безработных сократилось на 360.000 человек; число работающих увеличилось еще сильнее.

Сегодня мы располагаем всеми статистическими данными и знаем: для дальнейшего подъема германской экономики или для того, чтобы темпы этого подъема были ускорены — для этого в корейском конфликте не было нужды. Правильнее будет противоположная оценка — «бум» корейского конфликта принес германской экономической политике больше трудностей, чем полезных стимулов.

Достаточно представить себе, сколь благоприятный для потребителя период оказался прерванным: в сентябре 1950 г. т. е. к тому времени, когда стало сказываться связанное с корейскими событиями повышение цен, индекс цен на жизненно необходимые товары значительно снизился — с 168 в январе 1949 г. до 148, в то время как ставки зарплаты сохраняли тенденцию к повышению (1938 год равен 100). К тому моменту, когда в связи с началом

корейского конфликта мир был охвачен чувством страха, самым сильным за весь период после 1939 г., германская экономика как раз успела создать предпосылки для своего дальнейшего развития. Здоровое и естественное развитие было, таким образом, самым чувствительным образом нарушено.

[image]

Людвиг Эрхард. «Благосостояние для всех» — Глава III. Последствия корейского кризиса и их преодоление

[image]

Война в Корее вызвала беспокойство и ощущение неуверенности, что повлекло за собой значительное увеличение спроса. Надежды на то, что потребитель будет спокойно реагировать на создавшееся положение, оказались обманчивыми. Но следует отметить и тот положительный факт, что со времени денежной реформы были сделаны довольно большие капиталовложения; правда большая часть этих капиталовложений, вследствие отсутствия достаточного рынка капиталов, оплачивалась по завышенным наценкам. Такую практику можно весьма по–разному оценивать, в зависимости от того, подходить ли к ней с точки зрения морали или руководствоваться только интересами разумно ведущегося народного хозяйства. Все же не следует забывать, что за первые пять месяцев корейского конфликта увеличение спроса повлекло за собой и увеличение продукции, определяющееся изменением индекса с 107,6 в июне до 133,3 в ноябре 1950 года. Одновременно, однако, повысился и индекс цен на промышленное сырье (1938 = 100) с 218 до 265, а индекс фабричных цен на готовые товары со 178 до 195. Несмотря на такую тенденцию бурного подъема, рост цен у нас, благодаря поразительной эластичности производства, был все же более слабым, чем в других западноевропейских странах.

К сожалению, не удалось избежать того, что и потребителю пришлось почувствовать это повышение. Индекс стоимости жизни упорно повышался с низшей точки (148) в сентябре 1950 г., до 151 в конце 1950 года и даже до 170 в конце 1951 года (1938 = 100, по потребительской схеме 1949 года). В этих изменениях индексов ясно отражаются как повышение цен на мировом рынке, так и состояние нервной напряженности потребителя и покупателя.

Лишь немногие были склонны верить тому, что «свобода потребления», которая для меня является одной из самых

существенных основных человеческих свобод, сможет пережить этот кризис. В своем выступлении 6 февраля 1952 года в Цюрихе, оглядываясь на прошедшее время, я отмечал:

«Естественно и понятно, что такое событие, как война в Корее, особенно чувствительно отразилось на немецком народе, испытавшем на себе столько инфляции. Иначе говоря, все как–то заколебались и несколько вышли из равновесия. Одни стремились запастись сырьем по любой цене и любыми путями, что вполне понятно в такой бедной сырьем стране, как Германия. С другой стороны нужно было считаться с наученным горьким опытом потребителем, который был обеспокоен тем, будет ли вообще завтра достаточно товаров для удовлетворения насущных нужд, и опасался того, что, может быть, опять придется вернуться к системе планового хозяйства или карточной системе нормированного снабжения товарами. Немецкий потребитель был поэтому готов скорее заплатить сегодня высокую цену за плохой товар, чем остаться завтра вообще без ничего. И все это происходило в такой обстановке, которая в области денежной и валютной политики предоставляла довольно ограниченные возможности для маневрирования».

Взвинченная атмосфера в Бонне

Действительно, в то время в Германии царило напряженное нервное оживление. Во многих отношениях обстановка напоминала конец 1948 года. Противники рыночного хозяйства блокировались с вечно колеблющимися и выжидающими кругами. Даже разбирающиеся в вопросах экономики люди считали, что возврат к принудительному хозяйству неизбежен. Не вызывало, конечно, удивления, что оппозиция — Социал–демократическая партия Германии — предпринимала все возможное лишь бы устранить нежелательную ей хозяйственную политику. Но и в среде собственного правительства и коалиции политика рыночного хозяйства встречала лишь частичную поддержку; сплошь и рядом приходилось бороться даже со скрытым и явным противодействием, что представляло собой уже явление чрезвычайно тревожное, а также и опасное для дальнейшего здорового развития хозяйства.

В 1951 году правительственный и коалиционный лагерь представлял собой картину удручающего отсутствия единства с проистекающей из этого неспособностью проводить необходимые мероприятия. И только присущая социальному рыночному хозяйству внутренняя сила спасла эту систему свободного хозяйствования и пронесла ее через все тогдашние невзгоды. Нет надобности напоминать читателю все подробности дискуссии того времени, — это вышло бы за рамки данного описания

событий. Все же не следует упускать из виду, насколько эти дискуссии парализовали многие начинания, необоснованно увеличивали многие существовавшие затруднения и затягивали смягчение их.

С какими только представлениями не приходилось бороться в то время министру народного хозяйства? Какие только планы ни обсуждались: желание министерства финансов скопировать английскую систему налога на закупки; предложения назначить специального комиссара по валютным вопросам с целью ограничить в этой области полномочия министра народного хозяйства. Проектировалось создание особого «хозяйственного кабинета» под постоянным руководством доктора Эрнста, а к концу 1951 года возникла даже мысль об учреждении сверхминистерства, в котором министр народного хозяйства был бы лишен возможности проявлять плодотворную активность.

При наличии таких заблуждений и замешательства становилось все труднее и труднее добиваться проведения правильных идей. Так, потерпел крушение мой проект проведения размораживания цен, необходимость которого давно уже назрела для преодоления узких мест в области сырьевого хозяйства. Потребовались многие месяцы для того, чтобы провести в жизнь план вложения капиталов в сырьевую промышленность сначала при помощи «сбережений на восстановление хозяйства», а затем, после ряда изменений, приступить к проведению закона о помощи капиталовложениями; этот закон, в конце концов, был принят парламентом 31 декабря 1951 года. Ко всем этим трудностям следует добавить нападки и вмешательство американских инстанций, сокративших помощь по плану Маршалла; они противодействовали также оказанию Германии надлежаще уместной первоначальной поддержки при основании Европейского платежного союза; они же затягивали ассигнования из «фонда эквивалентов». В то время можно было услышать и весьма странные заявления (например, что немецкая налоговая система является «самой несоциальной в мире»). Следует упомянуть и о том, что представители США упорно добивались введения предписаний, имеющих характер принудительного хозяйственного планирования, чтобы на их основании иметь право на приобретение важных рационированных товаров.

Борьба с международным Управлением по делам Рурской области за важнейший дефицитный товар — «уголь» — не сходила с повестки дня. Доходило до исключительно резких столкновений с Германским объединением профсоюзов, федеральное руководство которого, после многомесячных

препирательств, постановило прекратить сотрудничество во всех инстанциях, занимающихся вопросами экономической политики.

Перечень подобных фактов можно было бы продолжить по желанию; данные такого перечня заполнили бы весь период времени вплоть до начала 1952 года, то есть до того момента, когда необходимость и возможность системы рыночного хозяйства стала очевидной даже для невежд. Два факта особенно ярко характеризуют этот перелом. В конце 1951 года Германии не только больше не угрожала опасность превысить установленный предел кредитования со стороны Европейского платежного союза, а наоборот. Западная Германия впервые становится кредитором Европейского платежного союза. Одновременно наступило и успокоение в области цен.

Эти полные бурных событий недели нашли отражение во всех моих выступлениях. [12]

«Вероятно потому, что я считался в Германии с правилами экономической разумности и со здравым смыслом людей, обращенное ко мне требование гласило: теперь — либо твердые цены, либо отставка. Однако я не подал в отставку и не распорядился о введении твердых цен. Конечно, я не мог быть в претензии на то, что мои противники из социалистического лагеря смотрели на вещи через призму своих партийных концепций. Хуже было то, что и добрые друзья были сбиты с толку и считали, что от моей экономической политики не приходится ждать добра для Германии. Я возражал на это советом сохранить хоть немного спокойствия, что в конце концов и оправдало себя».

Сделанный мной краткий обзор событий того времени показывает, как важно было сохранить крепкие нервы. Выше уже отмечалось распространившееся во второй половине 1950 года стремление покупать во что бы то ни стало, которое весной 1951 года привело к «уродливому росту оборота». Так, за 1 год торговый оборот по обуви повысился на 90 процентов. Развитие оборота розничной торговли показывает, каких громадных достижений добилось в то время немецкое хозяйство, в сколь сильной степени оправдала себя одновременно система рыночного хозяйства. Ограничимся лишь одним примером: показатели оборота розничной торговли по одежде и белью возросли следующим образом:

Рост оборота во время вызванного событиями в Корее повышения цен

Первое полугодие 1949 г. = 86 Второе полугодие 1949 г. = 114
Первое полугодие 1950 г. = 109 Второе полугодие 1950 г. = 152
Первое полугодие 1951 г. = 136 Второе полугодие 1951 г. = 157

Ряд факторов благоприятствовал этому обусловленному политическими событиями закупочному психозу. Имевшее место перед возникновением корейского конфликта падение цен побудило как предпринимателя, так и конечного потребителя придерживаться осмотрительной тактики складского хранения и обзаведения запасами. Но затем на мировом рынке обозначился перелом, сопровождавшийся резкими скачками цен. Сопоставление нормального уровня цен до «корейской конъюнктуры» со средними данными за 1951 год дает представление о размерах этого процесса. Несколько примеров повышения оптовых цен на важные товары мировой торговли дает следующая таблица:

Значительные повышения цен на товары мировой торговли

Ртуть, в долл. за бутыль, Нью–Йорк	с 71 до 210,15
Резина, в центах за фунт, Нью–Йорк	с 17,60 до 60,54
Шерсть в центах за фунт, Нью–Йорк	с 130,8 до 220,8
Свинец в фунтах за англ. тонну, Лондон	с 97 до 162,0
Чугун в долл. за англ. тонну, Нью–Йорк	с 49,9 до 57,0
Индекс Рейтера для Соединенного Королевства на предметы потребления (18.9.1931 = 100)	с 465,3 до 605,9
Индекс Муди, США (массовые товары) (31.12.1931 = 100)	с 346 до 488,6
Индекс «Фольксвирта» на мировые товары (1936 = 100)	с 225 до 312,9

По данным Берлинского Банка, февраль 1956 года.

В процессе этого оживленного конъюнктурного подъема пределы производственной мощности находившейся еще в стадии своего восстановления западногерманской промышленности были скоро достигнуты в отдельных ее отраслях, и — что важнее — явственно обнаружены. Значительную роль в этом процессе сыграло и то, что прекратилось хранение населением наличных денег, накопленных из различных побуждений и разными путями и притом, возможно, что чуть ли не со времен валютной реформы. Ко всему этому прибавилось новое осложнение, а именно: мероприятия для оживления хозяйства, проведение которых так настоятельно требовалось всего лишь несколько

месяцев тому назад, начали сказываться как раз в это время, т. е. в самый неподходящий момент. Также и закон об изменении подоходного налога от 23 апреля 1950 года (в конце концов все же одобренный союзниками), принесший в общем желательное снижение налогов, был разработан и принят, исходя из совершенно иной хозяйственно–политической перспективы. В довершение всего оказалось, что потребитель, под влиянием «закупочного психоза», стал в своем стремлении обзаводиться запасами черпать для этого средства не только из обычно расходуемой на закупки части своего дохода, но также и из той части его, которая в предыдущие годы служила ему для пополнения своих сбережений. Теперь и эта часть дохода почти полностью пошла на приобретение товаров широкого потребления. В течение нескольких месяцев почти полностью прекратился рост вкладов по сбережениям.

Узкие места в результате роста производства

Показатели производства отражают это лихорадочное развитие: общий индекс промышленного производства (1936 = 100) возрос с 107,6 (в июне 1950 года) в течение одного года до 130,9 и даже достиг 147,8 (кульминационная точка в ноябре 1951 года). Этот «корейский» конъюнктурный подъем оказался особенно выгодным для отраслей, производящих средства производства, индекс которых поднялся за указанный период времени со 108,4 до 164,1. На секторе товаров широкого потребления в первой половине 1950 года сильно отразилась общая пассивность покупателей; можно, пожалуй, сказать, что тут царил полный застой. Индекс по этому производству, затем все же показал резкое повышение — с 101,9 до 148,4 (за период июнь 1950 — ноябрь 1951).

Неизбежным и естественным следствием такого бурного развития было появление узких мест, которые способствовали еще большему увеличению общего нервного напряжения и к тому же и материально оказывали непосредственно тормозящее влияние. Эти узкие места были особенно ощутимы там, где быстрому увеличению производственной мощности были поставлены пределы естественного или структурного характера.

После развала 1945 года удалось, правда, в результате различных усилий и мероприятий, значительно повысить западногерманскую добычу каменного угля. В то время как общий промышленный индекс к моменту денежной реформы достиг 51 процента индекса 1936 года, добыча угля, благодаря упомянутым поощрительным мероприятиям, могла уже показать 76,4 процента. Но уже в июне 1950 года угольная промышленность значительно отстала от общего развития производства. Несмотря

на то, что к концу 1950 года все же удалось добиться дальнейшего подъема на 15 процентов, угольная промышленность продолжала все больше отставать из–за столь отличных от других отраслей промышленности условий, в которых она развивалась. То же самое можно сказать и о секторе чугуна и стали.

Но было ли это действительно следствием недостатков рыночного хозяйства? Имелись ли, по этой причине основания отказаться от нашей системы свободного хозяйствования? В газете «Хандельсблатт» от 31 декабря 1951 года я пытался дать ясный ответ на этот вопрос:

«На рыночное хозяйство, при перечислении имеющихся недостатков, пытаются взвалить как раз те грехи, которые следует отнести за счет уцелевших еще остатков планового и принудительного хозяйствования, от которых рыночное хозяйство вынужденным образом еще не могло до сих пор отделаться. Идет много горячих споров об узких местах в сырьевой промышленности, но в то же время старательно замалчивается тот факт, что именно в этих отраслях бюрократия справляла настоящую вакханалию, и что там были полностью выключены функции рынка, в особенности свободное образование цен».

Естественно, что наличие узких мест не позволяло сидеть сложа руки. Выше уже отмечалось, что разного рода противодействия помешали осуществить основательное и органическое урегулирование проблемы цен. Но, прежде всего, следует отметить многочисленные препятствия, стоявшие на пути при выработке закона о помощи капиталовложениями от 7 января 1952 года, принятого после длившихся многие месяцы прений в парламенте 13 декабря 1951 года (12 июля того же года обсуждение этого закона в парламенте дало повод к ожесточенным прениям, когда на отказ парламента принять этот закон до летних каникул федеральный канцлер ответил угрозой отсрочки парламентских каникул). Хотя этот закон о помощи капиталовложениями и подвергался впоследствии многим нападкам, все же он представлял собой достойную внимания попытку преодолеть возникшие трудности путем применения принципа самопомощи в хозяйстве, и в истории экономики он в свое время найдет более справедливую оценку и признание. В результате применения этого закона находившееся в затруднительном положении сырьевое хозяйство получило не только кредит в размере 1 миллиарда нем. марок, из которого было уделено

296 млн. нем. мар. черной металлургии

228 млн. нем. мар. угольной промышленности

242 млн. нем. мар. энергетике
77 млн. нем. мар. водному хозяйству
50 млн. нем. мар. федеральным железным дорогам

Эта помощь позволила также выполнить план капиталовложений в общей сложности в размере 4,745 млрд. нем. марок. К кредитам по закону о помощи капиталовложениями добавились собственные средства предприятий в размере 2,227 млрд. нем. марок и 1,518 млрд. нем. марок прочих кредитов.

Торговый баланс вновь становится пассивным

Тенденция роста цен на мировом рынке и неизбежная необходимость удовлетворить растущий спрос повлекли за собой значительное увеличение импорта; этому способствовала также новая значительная либерализация торговли со странами ОЕЭС (с 1 сентября 1950 года на 60 процентов). Заметным образом при этом быстро ухудшался торговый баланс. Во второй половине 1950 года пассив достиг 535 млн. нем. марок. С платежным балансом дело обстояло еще хуже. Уже после 4 месяцев со дня образования Европейского платежного союза кредитная квота Германии в размере 320 млн. долларов была исчерпана.

Следует, однако, отметить, что этот рост импорта вполне отвечал интересам защиты рыночного хозяйства, т. к. в данных условиях было как раз необходимо как можно сильнее расширить предложение товаров. Поэтому позволительно употребить следующую формулировку: борьба против сторонников планового хозяйства в Германии, то есть против тех, кто снова хотел выбросить за борт свободу хозяйствования, стала одновременно борьбой с Европейским платежным союзом, причем имелось ввиду, что можно на время примириться с дефицитом в германской внешней торговле, в уверенности, что за этим наступит органическое оздоровление.

Из мероприятий, которые мое министерство в это время провело или поддержало, следует в первую очередь отметить те, которые преследовали цель снизить импорт до политически допустимых размеров. Было разработано положение о лицензиях (разрешениях на ввоз). Прежде всего было установлено требование депонировать наличными деньгами в нем. марках сумму в размере 50% эквивалента иностранной валюты, затребованной для импортных операций. Право на выдачу импортных лицензий было изъято из компетенции частных банков внешней торговли и передано центральным банкам земель. 21 февраля 1951 года пришлось даже прибегнуть к временной отмене либерализации импорта из стран Европейского платежного союза — после того, как обострение корейского конфликта вызвало в начале 1951 года новую значительную

волну спроса. Наряду с этим были проведены денежные мероприятия, как, например, повышение минимального резервного фонда 1 октября 1950 года в среднем на 50%. Одновременно право переучета векселей, принятых банками к платежу, было ограничено и предоставлено лишь определенным учреждениям (31 октября 1950 года); учетная ставка для векселей была повышена с 4 до 6%, а процентная ставка по закладам — с 5 до 7% (27 октября 1950 года), — между прочим, в то время это было проведено вопреки противоположной точке зрения чисто политических правительственных инстанций. 1 ноября 1950 года центральным банкам земель было предложено сократить на 10% учетные кредиты, предоставленные ими коммерческим банкам.

Все же положение с валютой продолжало пока что оставаться критическим. Представленный Европейским платежным союзом специальный кредит в размере 120 млн. долларов также не смог сразу же выправить положение с невыравненным платежным балансом. После отмены либерализации удалось, правда, устранить опасность внезапно наступающих балансовых затруднений; однако, это было сделано ценой резкого ограничения импорта, проведенного административным порядком. В течение этих критических месяцев Банк немецких земель, в полном единодушии с министром народного хозяйства, все же продолжал придерживаться своей прежней политики ограничительных мер.

В начале 1951 года были установлены еще более строгие директивы для кредитных операций; в январе 1951 года всем коммерческим банкам было предложено избегать в дальнейшем какого бы то ни было расширения объема краткосрочных кредитов, а 28 февраля 1951 года последовало предписание сократить объем краткосрочных кредитов приблизительно на 1 млрд. нем. марок.

Параллельно с этими мероприятиями проводились и другие начинания. В федеральном министерстве народного хозяйства была создана специальная комиссия по вопросам сырья. Генеральный директор Отто А. Фридрих принял на себя обязанности советника по вопросам сырья при федеральном правительстве, а несколько позже и руководство федеральным бюро по вопросам товарного обращения. В начале 1951 года был издан так называемый закон об охране хозяйства, предоставляющий правительству возможность вмешиваться в дела производства и дальнейшее обращение товаров. Случаи такого вмешательства, последовавшие на основании данного закона, имели место, правда, в пределах очень скромных рамок; они сводились, главным образом, к статистическому учету в

области сырьевого хозяйства, как, например, в металлообрабатывающей промышленности, в области снабжения металлическим ломом и в строительном секторе.

Эти мероприятия были проведены, главным образом, под давлением и по настоянию американцев, которые соглашались предоставить сырье лишь при условии, что правительство ГФР будет располагать соответствующими полномочиями. Должен, однако, сознаться, что я лично никогда особенно не принимал всерьез эти предписания, да и вообще не особенно высоко расценивал их народнохозяйственное значение.

Возможно ли вооружение и без инфляции?

Война в Корее представляет собой важную дату в том смысле, что она впервые дала повод к возникновению идеи снова вооружить Германию. Поучительно восстановить в памяти первые реакции на это. С самого начала я считал своим основным долгом предостеречь от искушения избрать путь инфляции. Этим я сразу же выступил против широко распространенного мнения о том, что все связанное с вооружением автоматически означает инфляцию. 15 сентября 1950 года я заявил:

«Возможно, что это приведет к необходимости установления некоторых мер направляющего характера, которые, однако, не должны никоим образом мешать или даже угрожать системе рыночного хозяйства. Большая опасность, которая может возникнуть и появление которой я предвижу почти с уверенностью, грозит с другой стороны. Если для участия Западной Германии в деле обороны Европы наше государство будет вынуждено произвести крупные расходы, то иные лица, а также некоторые партии, будут считать, что эти расходы нельзя будет, покрыть из государственного бюджета, но понадобится в той или иной степени мобилизовать кредит эмиссионного банка. Правда, не будет предложено в точности подражать системе «Мефо–векселя» или бесконечных отсрочек платежей по государственным облигациям, но по сути дела все манипуляции такого рода означают одно и то же, а именно — становление на путь инфляции».

В кульминационный момент «корейского» конъюнктурного подъема, состоявшийся в то время партийный съезд Христианско–демократического союза в Госларе (22 октября 1950 года) дал мне повод выступить и высказаться без обиняков о проблемах тех дней. Это было в то время, когда международная общественность уже начинала склоняться к тому, что следует примириться с банкротством Западной Германии. Так, тогдашний председатель Организации европейского экономического сотрудничества (ОЕЭС), нидерландский министр иностранных дел д–р Штрикер,

заявил: Европа считается с наступлением «банкротства Западной Германии». Германское федеральное правительство, в результате своей «несчитающейся ни с чем импортной политики, израсходовало в течение четырех месяцев» предоставленный ему Европейским платежным союзом кредит в 320 миллионов долларов. Будущее Западной Германии поэтому–де весьма сомнительно; а наступление инфляции, как это было после Первой мировой войны, следует, по его мнению, ожидать со дня на день.

В этом вопросе внутригерманская оппозиция как бы сливалась с иностранной критикой — одни, надеясь на мою отставку, а другие, — предвидя банкротство. Моя точка зрения, высказанная на партийном съезде Христианско–демократического союза, была такова:

«Экономика и хозяйственный прогресс не знают абсолютных шаблонов. Поэтому представляется совершенно ошибочным выдвинутое недавно с социалистической стороны требование, согласно которому на каждое повышение цен следует ответить соответственным увеличением заработной платы. Мы, правда, придерживаемся того мнения, что при повышающейся производительности понижение цен может одновременно сочетаться с увеличением заработной платы и даже должно сочетаться с таковым, чтобы реализовать сущность социального рыночного хозяйства. Защита рыночного хозяйства — высшая заповедь. И не из догматических соображений, а ради немецкого народа. Руководствуясь этим, федеральное правительство провело обширную программу ввоза, обеспечившую на ближайшие 3–4 месяца снабжение продовольственными продуктами и сырьем, которые необходимы для сохранения занятости и уровня производства и для обеспечения народа продовольствием. Федеральное правительство отдавало себе отчет в том, что для осуществления этой программы оно должно использовать все находящиеся в его распоряжении средства. Но только смелая политика могла обеспечить успех в таком положении».

Успокоение вместо кризиса

Только в сознании правильности рыночного хозяйства можно было отважиться на подобные высказывания в момент, когда цены поднимались изо дня в день, когда внешнеторговый баланс становился все более неблагоприятным. Правда, прошли еще месяцы, пока не наступил перелом, зато тем основательнее проходил процесс оздоровления.

В 1950 году внешнеторговое сальдо было пассивным и достигало в среднем ежемесячно 250 млн. н. м. Еще в первом

квартале 1951 года не было чувствительного улучшения, но во втором квартале наступил перелом и сальдо стало активным, дойдя почти до 3 50 млн н. м. Это было поворотным моментом, после которого началась фаза постоянного положительного баланса во внешней торговле.

Таким образом, 1950 год был, пожалуй, периодом наибольшей напряженности в молодой истории рыночного хозяйства. В последующие месяцы 1951 года перелом в сторону успешного преодоления трудностей обозначился еще отчетливей. Знатоки народного хозяйства понимали, что мы вышли из полосы затруднений. Тем не менее споры о рыночном хозяйстве и нападки на федерального министра хозяйства достигли апогея именно в 1951 году. В то время можно было услышать в Бонне, что в отношении экономической политики и ее руководителя не обойтись без «хирургической операции»!

Окончание корейского «бума» принесло в этом году первый ответ на важный вопрос — являются ли взлеты и падение конъюнктуры неизбежными или современное рыночное хозяйство может преодолеть этот цикл.

Предложение и спрос во многих отраслях стали успешнее выравниваться, и это не привело к приостановке экономического прогресса. Начавшийся повсюду осенью 1950 года рост цен заметно спал во второй половине 1951 года. Сначала упали цены на сырье, позже — в начале 1952 года — наметилось понижение также в области общей стоимости жизни. Так, например, индекс цен на одежду с мая 1951 года до конца года упал с 212 до 205 (1938 год = 100).

Этот перелом проявился, наконец, и в секторе продукции. Во второй половине 1950 года промышленность товаров широкого потребления должна была увеличить продукцию на 40%. Обычный сезонный спад продукции в декабре оказался в то же время и переломом. Индекс упал с высшей точки в ноябре 1950 года — 141,0 до 112,6 в июле 1951 года. Но продукция была все же на 15% выше, в сравнении с тем же периодом предыдущего года. Таким образом, ни о каком кризисе не могло быть речи; разве что считать нормальным истерический ажиотаж периода «корейской» конъюнктуры.

Поводов к беспокойству не было и потому, что уже к концу 1951 года мощное оживление довело индекс продукции до 150, превысив все прежние рекорды. Последовали месяцы легкого спада конъюнктуры, до середины 1952 года. Но цифры подтверждают, — в противовес к распространенному в те дни мнению, — что корейский «бум» в области товаров широкого потребления закончился к началу 1951 года.

В этот период наметилась и новая интересная тенденция нашего хозяйственного развития. До конца 1950 года производственное оживление в секторе средств производства и в секторе товаров широкого потребления проходило с поразительным параллелизмом. Впоследствии в этом направлении обнаружились значительные изменения. В секторе средств производства капиталовложения не прекращались. В этом секторе индекс поднялся с 141,3 в ноябре 1950 года до 164,1 в ноябре следующего года и продолжал возрастать почти без перерыва еще и в 1952 году. В результате этого развития продукция превысила здесь на 30 пунктов выработку в промышленности товаров широкого потребления.

Это неравномерное развитие определяло — с коротким перерывом в конце 1953 года — положение и в следующие годы. Как мало были обоснованы опасения кризиса, показывают лучше всего общие цифры продукции. Индекс общей промышленной продукции показал в этот период следующее движение:

Индекс всей промышленной продукции (1936 = 100)

1950 1–е полугодие	99,7	1951 2–е полугодие	134,3
1950 2–е полугодие	121,7	1952 1–е полугодие	133,4
1951 1–е полугодие	127,7	1952 2–е полугодие	145,3

В то время, как в секторе товаров широкого потребления, как уже упоминалось, «корейская» конъюнктура спала к концу 1950 года, избыточный объем заказов в секторе средств производства долго еще не уменьшался. Это привело к тому, что «узкие места» в снабжении углем и сталью не исчезли. Следует отметить это как историческую дату, что с тех пор, в результате этих переменившихся структурных отношений, импорт угля из США стал насущной проблемой и приобретал все большее значение.

Узкое место в снабжении углем обнаруживалось все яснее вследствие традиционных экспортных обязательств Западной Германии, но также и в результате особенно упрямой позиции, занятой международным Управлением угольной промышленности Рура. Ввоз угля (каменного, бурого, антрацита, кокса, брикетов) возрос с 5,3 млн. тонн в 1950 году до 10,4 млн. тонн в следующем году. Это привело к тому, что за тот же период активное сальдо вывоза снизилось с 20,1 млн. тонн на 14,4 млн. тонн. Эволюция видна из следующей таблицы:

Внешняя торговля углем

В млн. тонн	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1056

Вывоз	22,4	25,4	24,3	24,5	24,5	28,2	25,8	25,2
Ввоз	5,4	5,3	10,4	12,8	10,4	9,5	17,4	20,6
Превышение вывоза над ввозом	17,0	20,1	14,4	11,7	14,1	18,7	8,4	4,6

(Источник: Федеральное бюро по делам промышленного хозяйства, отделение в Эссене)

Оживленная хозяйственная деятельность этого периода нашла свое отражение в изменениях числа безработных, вернее числа занятых в производстве. Средний годовой уровень занятости поднялся с 13,83 млн. в 1950 году до 14,56 млн. в 1951 году и до 15,0 млн. в 1952 году. Этот прирост в 1,2 млн. за кратчайший срок свидетельствует о хозяйственном подъеме лучше, чем статистические данные о безработице, ибо число безработных постоянно пополнялось притоком новых лиц, ищущих работы *[Прим. переводчика: автор имеет в виду постоянный приток беженцев из советской зоны Германии.]*, что представляло — если оставить в стороне возникающие в связи с этим временные затруднения — необычайное обогащение западногерманских производственных возможностей. Как раз в последующие годы высокой конъюнктуры выявилось, что мои стремления к постоянной экспансии без этой помощи не могли бы быть реализованы в той мере, как это удалось осуществить на деле. За три года, с 1950 по 1952 год, число безработных уменьшилось с 1,58 до 1,38 миллионов.

Возврат к либерализации

Несмотря на заметное охлаждение конъюнктурного климата, ограничительные валютные и кредитные мероприятия оставались пока еще в силе. Оснований для перемены направления в сторону более экспансивной экономической политики не было, поскольку в тенденции повышения цен еще не чувствовалось значительного послабления. Во всяком случае, падение цен в отдельных отраслях не могло в достаточной мере нейтрализовать рост цен периода высокой конъюнктуры.

Вот некоторые экономические мероприятия того времени:

1. В финансовой политике в конце июня 1951 года, в качестве тормозящей меры, были повышены налог на оборот и налог на корпорации (акционерные общества и т. п.), отменены важные льготы в подоходном налоге. В результате, одно только изменение закона о подоходном налоге означало для хозяйства дополнительную нагрузку в размере около 1 млрд. н. м.

2. В валютно–денежной политике было сначала проведено только умеренное смягчение постановлений о верхнем пределе

для кредитов. Только в октябре 1951 года последовали решительные облегчения. Обязанность депонировать при ввозе 50% суммы наличными, которая в конце декабря 1950 года была сокращена до 25%, теряла все больше свое значение на практике и была к концу 1951 года совершенно отменена.

3. Но наибольшее значение имело постепенное восстановление либерализации ввоза из стран, входящих в Организацию европейского экономического сотрудничества в январе 1952 года. Первый список (от января 1952 года) товаров, с которых были сняты ограничения, охватывал 57% всего ввоза из стран, входящих в ОЕЭС (исходя из ввоза в 1949 году); уже с 1 апреля 1952 года список был расширен и охватывал 77% ввозимых товаров.

4. Минимальные резервные фонды банков впервые были 29 мая 1952 года снова снижены на 1%, а впоследствии снижены еще больше. Банк немецких земель все больше совершенствовал в этот период свои методы кредитной политики. Так, например, были введены квоты переучета для отдельных банков, более подробно разработаны директивы кредитной политики, чтобы начать с осени 1951 года операции на открытом рынке.

В ходе этой сложной и очень динамичной перестройки, наряду с развитием производительности и оборота, осуществлялось значительное повышение заработной платы. 1951 год — так же, как и 1949 год — ознаменовался сильным повышением номинальной заработной платы.

Валовой часовой заработок промышленных рабочих поднялся в этом году на 14,8%, валовой еженедельный заработок — на 13,3%. Но, в противоположность к 1949 году, повышение заработной платы в 1951 году частично уравновешивалось дороговизной; таким образом, реальная заработная плата повысилась на самом деле только на 5,4%, тогда как в 1949 году повышение достигло 20,5%. Сравнение этих цифр наглядно подтверждает, что повышение заработной платы, выходящее за пределы роста производительности, бессмысленно и вредно, и что как раз широкие массы потребителей должны быть заинтересованы в сохранении стабильности цен.

Идеальная триада

В начале 1952 года рост цен, вызванный корейским «бумом», прекратился. Третья фаза развития социального рыночного хозяйства завершилась — фаза испытания этой экономической системы на годность и прочность. Однако события обнажили также невралгические пункты нашего народного хозяйства. Следующая фаза охватывает 1952, 1953 и, частично, 1954 годы. Она, в свою очередь, сменилась периодом высокой конъюнктуры.

Чем же характерна четвертая фаза? В ходе ее удалось осуществить тройное сочетание, которое должно было бы стать идеалом каждого, вполне современного в своих взглядах, сторонника рыночного хозяйства: при растущей производительности и продукции, и повышающейся в связи с этим номинальной заработной плате, цены стабилизуются или же падают, что ведет к повышению благосостояния всех. Можно даже по справедливости предположить, что социальная гармония этой счастливой триады, этого трезвучия, определила в значительной мере удачный для партии федерального министра хозяйства исход выборов 6 сентября 1953 года. Я тогда говорил:

«Наша экономическая политика служит потребителю; он один — мерило и арбитр хозяйственной деятельности. Политика социального рыночного хозяйства доказала всему миру, что ее принципы — свободная конкуренция, свободный выбор предметов потребления, как и вообще свобода раскрытия и процветания личности — ведут к лучшим экономическим и социальным успехам, чем любой вид направляемого властями или принудительного хозяйства». [10]

Промышленное производство 1952 и 1953 годов — если не принимать во внимание обычных сезонных колебаний — ознаменовалось непрерывным ростом. После низкого зимнего уровня в феврале 1952 года — 128,6 (1938 год = 100), в ноябре оно достигло апогея — 160,8. Последовавшее сезонное падение в январе 1953 года до 134,0 не могло, однако, прервать динамики роста; в ноябре 1953 года производство достигло уровня в 175,6. 1954 год был затем годом особенно сильного подъема; в ноябре этого года был достигнут уровень производства, почти вдвое превышавший индекс 1936 года и тем самым одновременно и индекс весны 1950 года.

Этот мощный подъем был доказательством не только внутренней силы немецкого хозяйства и динамичной экономической политики, но и неустанной работоспособности всех слоев немецкого народа. Утверждение это тем более оправдано, что расширение объема производства, достигнув уровня вдвое превышающего довоенный, еще не закончилось. Несмотря на всю проблематичность сравнения производительности в международном масштабе, нельзя оспаривать, что темпы развития немецкого хозяйства превысили темпы развития почти всех других стран. Это утверждение остается в силе и в том случае, если за исходную точку взять не первый послевоенный период, когда немецкое хозяйство было совершенно разрушено, а примерно 1950 год. Через довоенный уровень и Западная Германия перешагнула уже в 1950 году.

(Индекс 1950 года = 110,9% по отношению к 1936 году).

Сравнение международных данных общего промышленного производства (1950 = 100)

	1938	1949	1950	1951	1952	1953	1954	1955	1956
Германия	107	80	100	119	126	139	155	178	192
Федеративная Республика									
Франция	81	99	100	113	118	115	125	137	159
Норвегия	65	88	100	107	108	114	125	129	140
Канада	48	94	100	107	110	117	116	126	134
США	43	87	100	107	111	120	112	124	128
Великобритания и Сев. Ирландия	75	93	100	104	101	107	114	121	120
Дания	—	89	100	102	98	102	108	113	113

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

За этим развитием скрывается характерное для этих двух лет перемещение центра тяжести народнохозяйственной энергии в сторону усиления промышленности товаров широкого потребления — эволюция, дающая право назвать 1953 год «годом потребителя».

Ранее говорилось уже о том, что в промышленности развитие сектора средств производства и сектора товаров широкого потребления в предыдущие годы осуществлялось на разных путях. В последнем, в июле 1952 года, индекс понизился до 111,5 (в то время, как сектор средств производства показал индекс, равный 155,6). Это беспокоило как потребителей, так и экономистов. Но спад означал и поворот: он был не результатом случайностей, а последствием сознательно направляемых импульсов. Сильный подъем в секторе товаров широкого потребления привел снова к повышению индекса производства до 164,5 в ноябре 1952 года и до 180,4 в ноябре 1953 года. Таким образом, впервые, после долгого периода, был снова достигнут уровень продукции сектора средств производства.

Рост массового дохода

Этот 60–процентный рост производства всего лишь за полтора года в значительной мере явился результатом роста дохода широких народных масс. Повышение жалования чиновникам и служащим проходило наряду с повышением заработной платы рабочим, увеличением пенсий и разных выплат по компенсации убытков и потерь. Малая налоговая реформа от 24 июля 1953 года принесла в дальнейшем уменьшение тарифов на 15%.

При падающих ценах рынок реагирует особенно

чувствительно. В этот период, впервые за два десятка лет, удалось осуществить переход к количественной конъюнктуре. Потребительский спрос выражался не только в росте покупок обычных товаров широкого потребления. В основном увеличивался спрос на «долговечные» хозяйственные товары. Стремление к более высокому уровню жизни, выражавшееся, между прочим, и в росте туризма, обретало под собой все более реальную почву.

Каков же был баланс этого «послекорейского периода» для западногерманского населения?

Между концом 1951 и серединой 1954 года число лиц, имеющих постоянную работу, увеличилось почти на два миллиона. Одновременно число безработных снизилось с 1,214 млн. в момент сезонного затишья в октябре 1951 года до 820.000 в октябре 1954 года. Валовая недельная заработная плата промышленных рабочих поднялась с 68,52 н. м. (средняя цифра 1951 года) до 74,00 н. м. в следующем году и до 80,99 н. м. в 1954 году.

В то время, как в результате корейского конфликта индекс стоимости жизни (средняя потребительская группа 1938 года = 100) вырос в 1951 году, в сравнении с предыдущим годом, на 7,7%, впоследствии вновь наступило отрадное успокоение. Правда, в 1952 году индекс поднялся еще на 1,8%, но в 1953 году он снова упал на 1,8%. Но за этими средними цифрами скрывается весьма интересное и дифференцированное развитие. Так, например, индекс цен на одежду с 111 в 1951 году упал до 98 в 1953 году и до 97 в 1954 году.

Выше я упоминал уже о том, что в области капиталовложений в секторе средств производства наметилась сдерживающая тенденция. Это объясняется тем, что желание проводить рационализацию отодвинуло на задний план стремление к наращиванию производственной мощности. Предпринимательская инициатива тормозилась также неустойчивой политической ситуацией, неизвестностью о будущем Европейского объединения угля и стали и Европейского оборонительного сообщества. Зато инвестиционная помощь пришлась кстати сектору средств производства, равно как предыдущий рост цен улучшил возможности самофинансирования добывающей промышленности. Цены на уголь поднялись с 1950 по 1953 год от 32.92 н. м. до 52.08 н. м. за тонну (без транспортных расходов). Цены на полосовую сталь — с 227.35 н. м. до 400.62 за тонну.

В этом росте цен отразилась необходимость освободить добывающую промышленность от пут насильственного

государственного управления и дать ей возможность устанавливать цены, соответствующие рыночному спросу.

Строительная деятельность 1952–53 годов также значительно способствовала общему хозяйственному подъему. Это было результатом первого дополнения к закону о строительстве жилых домов, предусматривавшего облегченные возможности финансирования. Количество новых квартир за период 1953–54 годов выросло с 443000 до 518000. Интересно заметить, что в середине 1953 года 10% общего числа рабочих и служащих были заняты в строительной промышленности.

В эти годы строительный сектор в возрастающем объеме справляется с задачей предоставления нормальной жилплощади миллионам беженцев и пострадавших от бомбардировок. Количество построенных квартир поднялось с 215000 в 1949 году до 441000 в 1951 году. С 1953 года квартирный прирост выражается ежегодно в более, чем полумиллионе квартир. За последние три года было отстроено ежегодно 540000 новых квартир. Для сравнения можно упомянуть, что в 1929 году было отстроено 197000 квартир. Финансирование квартирного строительства после 1954 года выражается ежегодно в суммах от 9 до 11 млрд. н. м., при этом около 30% средств поступает от государства, земель, местных самоуправлений и т. п., а 40–50% дает рынок капиталов.

Картина цветущего, растущего хозяйства нашла отражение и в цифрах внешней торговли. В то время, как импортно–экспортный баланс еще в 1949 и 1950 годах казался «неизлечимо» пассивным, достигая суммы в 3 млрд. н. м., пассивное сальдо 1951 года резко упало до 149 млн. н. м. А в 1952 году удался переход к «активному» сальдо, при излишке товарного торгового баланса в 705,9 млн. н. м.

Так началась продолжительная фаза активизации, которая в последние месяцы дала повод к преисполненным озабоченностью дискуссиям «в противоположном направлении». В 1953 году активное сальдо достигло 2,5 млрд. н. м. При этом активизация никоим образом не была результатом торможения импорта. Ввоз даже значительно возрос, — с 11,37 млрд. н. м. в 1950 году до 14,7 млрд. н. м. в 1951 году и до 16,2 млрд. н. м. в 1952 году. Лишь в 1953 году уровень импорта не изменился. В 1954 году он снова возрос до 19,3 и в 1955 до 24,47 млрд. н. м. В 1956 году импорт достиг 27,96 млрд. н. м. Эта ситуация породила проблему, которая становится все более серьезной и которой должны были заняться экономисты: повышение ликвидности в результате этих излишков торгового баланса, этого постоянного активного сальдо. Тот факт, что проявляющаяся здесь столь

очевидно проблематика этого вопроса за истекшее время почти не осознана во всем ее значении, следует приписать главным образом нейтрализующему влиянию оставления в бездействии денежных сумм, представляющих собой кассовые излишки государственных и коммунальных учреждений; это изъятие из оборота финансовых излишков представляет собой тезаврирование, которое по своему объему и по своей длительности едва ли имеет примеры в прошлом.

Заблуждения хозяйственников–плановиков

Действие Плана Маршалла, по которому еще на его четвертом году была оказана помощь размером в 106 млн. долларов, закончилось 30 июня 1952 года. Его сменила экономическая помощь MSA*[Прим. перев.: MSA — организация, заменившая организацию «Плана Маршалла».]*, оказавшая нам в последующие два года (т. е. до 30 июня 1954 года) кредит размером в 98,6 млн. долларов. Я уже раньше высказал, что я всегда скептически относился ко всем попыткам предсказать и вычислить будущее и уложить хозяйственный круговорот в рамки твердых планов.

Завершение помощи по Плану Маршалла позволяет оглянуться на исходную планировку, нашедшую свое оформление в так называемом Long–Teian–Plan (План далекого прицела) (ЛТП). В этом ЛТП, игравшем в начале 1949 года значительную роль во всех экономических дискуссиях, были зафиксированы основы экономического и финансового развития до 1952 года. Намеченные, в результате совместной кропотливой работы немецких и американских экономистов, цели воспринимались тогда многими немецкими экспертами, мыслившими в категориях планового хозяйства, как нереальные и недостижимые. Несколько примеров показывают, насколько действительность опровергла этот пессимизм:

1. На 1952/53 годы ЛТП намечал уровень промышленного производства в размере 110% по сравнению с 1936 годом. На самом деле был достигнут уровень в 145,5%.

2. Уровень жизни на 1952/53 годы должен был находиться по плану на 20% ниже уровня 1936 года. В действительности же частное потребление на душу населения в 1936 году равнялось 768 н. м., а в 1952/53 годах — 827 н. м. (в пересчете на цены 1936 года).

3. ЛТП намечал к концу плана Маршалла достижение немецким экспортом размера в 2,818 млрд. долларов. В действительности же экспорт 1952 года = 4,04 и 1953 года = 4, 42 млрд. долларов.

4. Типично для условности и относительности подобных

планировок и следующее:

Считалось, что всеми средствами нужно добиться повышения добычи угля, ибо от этого зависит рост общего немецкого производства. Поэтому для 1952 и 1953 года ежедневная добыча угля в размере 425000 тонн считалась абсолютно необходимой. Несмотря на то, что намеченные ЛТП цели были значительно превышены во всех отраслях хозяйства, дневная добыча угля осталась все же значительно ниже намеченной цифры, достигнув только 408000 тонн.

Уравновесившееся хозяйственное положение позволило отменить еще ряд принятых во время корейского кризиса ограничений. 29 мая 1952 года высокая учетная ставка в 6% была понижена на 1%. Последовавшие четыре дальнейших понижения привели к тому, что 20 мая 1954 года был достигнут очень низкий для немецких хозяйственных условий уровень в 3%.

Эволюция учетного и ссудного процента

Действителен с	Учетный процент	Ссудный процент	
1948	1 июля	5	6
	1 сентября	—	—
	15 декабря	—	—
1949	27 мая	4 12	5 1/2
	14 июля	4	5
1950	27 октября	6	7
1952	29 мая	5	6
	21 августа	4 1/2	5 1/2'
1953	8 января	4	5
	11 июня	3 1/2	4 1/2
1954	20 мая	3	4
	1 июля	—	—
1955	4 августа	3 1/2	4 1/2
1956	8 марта	4 1/2	5 1/2
	19 мая	5 1/2	6 1/2
	6 сентября	5	6
1957	11 января	4 1/2	5 1/2
	19 сентября	4	5

В эти месяцы постепенно были понижены также и достигшие во время корейского кризиса высокого уровня ставки для минимальных банковских резервов.

«Прорыв вперед»

В эти годы во что бы то ни стало нужно было показать преимущества «количественной конъюнктуры», популяризировать «прорыв вперед». Приведу в качестве примера выдержку из речи по случаю открытия Технической ярмарки в Ганновере в конце

апреля 1953 года:

«Не буду даже касаться болтовни о том, будто спрос удовлетворен и потребительский рынок насыщен. Это прямо кощунство. Скажу о новых веяниях. За последние четверть года я не раз говорил, что мы должны стремиться вырваться из примитивности узко математических понятий о потреблении как об удовлетворении насущных потребностей. Это означает, что «долговечные» товары, как–то холодильники, стиральные машины, пылесосы и т. д. должны находить все большее распространение в немецком домашнем хозяйстве. И, главным образом, я имел в виду рабочие семьи.

На это мне возражали, что пенсионеры получают слишком мало, чтобы вообще помышлять о подобной роскоши. Само собой разумеется, что не с пенсионеров может начаться переход к более высокому уровню потребления. В Америке в свое время автомобили покупали вначале также не самые бедные. Но мы снова и снова констатируем: то, что сегодня считается роскошью, завтра становится предметом, спрос на который уже довольно широк, а послезавтра — товаром широкого потребления.

Если мы не сумеем преодолеть социальную неприязнь, если мы не сможем потерпеть того, что появляющиеся на рынке, в ходе развития техники, новые товары станут вначале достоянием только одних, — иногда даже незаслуженно, — а не сразу всех, тогда мы все законсервируемся в искусственной бедности… Если мы не будем стремиться постоянно улучшать жизненные возможности нашего народа, мы подорвем этим основу для технического прогресса, а тем самым выйдем из круга цивилизованных народов. Только расширив потребление, мы сможем и впредь участвовать в счастливом и здоровом мировом развитии».

Было ли это теорией или трезвым взглядом на будущее? Пусть об этом свидетельствуют кое–какие статистические данные:

Производство холодильников

	Число	Стоимость продукции в млн. Н.М.		Число	Стоимость продукции в млн. Н.М.
1949	Статистическим	28	1953	363600	158
1950	путем	40	1954	521 500	323
1951	не учтено	75	1955	588 700	241
1952	214 000	108	1956	800 000	373

Во время 2–ой Международной велосипедной и мотоциклетной выставки во Франкфурте–на–Майне 17 октября 1953 года я воспользовался случаем, чтобы выступить против

распространенного в то время аргумента, что нужно бороться против перегрузки улиц и дорог в результате возросшего моторизованного движения путем применения ограничивающих моторизацию мер:

«… Я считаю, что не дело государства вмешиваться в то, как каждый гражданин тратит свои деньги; т. е. государство не должно выступать в роли учителя морали. Пусть каждый будет счастлив по–своему… Далее я считаю, что и проблема транспорта и движения может быть решена только путем экспансии. Развивая моторизацию, нужно расширять старые и строить новые дороги».

Производство мотоциклов, мотороллеров и веломоторов повысилось с 143 800 в 1949 году до 290 800 в 1951 году и до 524 400 в 1953 году.

Ожидавшееся в этой области производства расширение можно было с еще большим основанием предвидеть в секторе легковых автомобилей. Уже тогда стал намечаться приток покупателей легковых автомашин из среды рабочих и служащих. В дальнейшем производство развивалось здесь еще более заметным образом; в то время, как в 1949 году выпуск показал цифру в 104 055 автомобилей, в настоящее время ежегодная продукция превышает 850 000 автомашин.

О пессимистах

В начале 1954 года распространилось мнение, будто годы подъема приходят к концу. Возникали опасения, и приводились даже доказательства тому, что экспансивные силы и способности немецкого хозяйства начинают ослабевать. Все это подкреплялось учеными анализами положения. Я посчитал необходимым выступить против этого мнения:

«Темпы развития немецкого хозяйства по–прежнему опережают темпы развития народных хозяйств прочих европейских стран. Чтобы эта динамика не иссякла, надо заново оживить движущие силы конъюнктуры — стремление к рационализации, к капиталовложениям, а также готовность к расширению потребления.

Нет никаких логических причин, на основании которых должно было бы последовать ослабление этих движущих сил. Несмотря на достигнутые успехи в повышении жизненного уровня нашего народа, нельзя делать заключения, будто наступило насыщение в области потребления.

Следовательно, все сводится к тому, что необходимо и дальше повышать производство, ибо только увеличив производство — и только этим путем — можно повысить народный доход, а, следовательно, и покупательную способность, которая обеспечит сбыт …» [22]

Далее, подводя итоги 1954 года, я говорил:

«Если по ряду причин невозможно добиться оптимальной пропорции между капиталом, образуемым из вкладов по сбережениям, инвестиционными нуждами народного хозяйства и потреблением, тогда я считаю, что в теперешней ситуации выгоднее сохранить потребительскую конъюнктуру, идя при этом на риск затруднений в области капиталовложений, чем, наоборот, пытаться за счет сокращения потребления увеличить вклады по сбережениям, но иметь тогда дело с затруднениями в области сбыта». [22]

[image]

Людвиг Эрхард. «Благосостояние для всех» — Глава IV. Овладение высокой конъюнктурой

[image]

Тот, кто смотрел вперед, уже в 1954 году видел намечающийся переход к следующему, пятому периоду в непродолжительной истории рыночного хозяйства. Я имею здесь в виду переход к фазе высокой конъюнктуры. Выдвигалась новая задача, не так легко разрешимая. В первую очередь возникал вопрос эффективного противодействия опасности инфляционного перенакала высокой конъюнктуры.

Разрешение этой задачи оказалось настолько трудным, что многие были склонны видеть одну лишь эту проблематику, забывая о том, какие огромные успехи были достигнуты во всех областях хозяйственной и общественной жизни. С середины 1956 года во все возрастающей мере удалось совладать с угрозой хозяйственной деградации. После заторможения экономического подъема переход к спокойному и постоянному прогрессу можно считать обеспеченным.

Ко второй части этой задачи — совладание с легкой инфляцией цен — мы еще вернемся.

Совершившийся в 1954 году переход к высокой конъюнктуре наглядно виден из индексовых показателей промышленной выработки на этой фазе.

Продукция периода высокой конъюнктуры

	1953	1954	1955	1956			
	1–ое полугодие	2–ое полугодие	1–ое полугодие	2–ое полугодие	1–ое полугодие	2–ое полугодие	1–ое полугодие
Вся промышленность	145,6	161,5	162,1	181,2	187,9	206,9	206,9
Средства производства	167,6	178,4	193,6	215,1	242,2	261,1	274,2
Сырье и полуфабрикаты	132,3	141,2	147,6	164,5	174,3	186.9	188,8
Предметы потребления	142,2	161,5	157,6	173,2	174,2	193,8	191,5

1936 = 100, — продукция за рабочий день.

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Из приведенной таблицы явствует, что 1954–1955 годы можно охарактеризовать, как период усиленного роста капиталовложений. В течение этого периода развитие в двух секторах — секторе производства и секторе предметов потребления — шло весьма по–разному. Никто, однако, не станет отрицать, что это было время особенно большого оживления в смысле мероприятий, направленных на расширение производства.

Этот своеобразный экономический подъем поначалу можно было только приветствовать, тем более, что в то время имелись еще неиспользованные резервы рабочей силы (во втором квартале 1954 года было 1,15 млн. безработных). Сознавая взаимосвязь между экспансивной экономической политикой и повышением жизненного стандарта общества, я приветствовал эту экспансию: никакая государственная власть, но и никакая организация профессиональных союзов, не в состоянии что–либо сделать для социального прогресса, если из экономики «взять нечего». Дело в том, конечно, что для того, чтобы можно было распределить какие–либо хозяйственно–социальные блага, необходимо, чтобы эти блага были заранее заготовлены.

Именно в этой первой фазе высокой конъюнктуры попытался я пояснить разницу между развитием конъюнктуры в секторе предметов потребления и в секторе средств производства.

«Естественно, что в связи с приближающейся нехваткой рабочей силы, которую дальновидные люди могли предугадать уже несколько лет тому назад, уже в течение последних двух лет чрезвычайно усилилось стремление к повышению производительности и к рационализации. Однако надолго потребление не смеет отставать. В задачу разумной экономической политики входит забота о том, чтобы по меньшей мере отдельные хозяйственные сектора поочередно могли пользоваться преимуществами высокой конъюнктуры. Однако это невозможно осуществить вполне параллельно для обоих секторов: у одного из них всегда непременно будет известное преимущество перед другим на каком–либо данном отрезке времени». [55]

Об оживлении роста продукции убедительно свидетельствует таблица, характеризующая развитие экономики в сравнении с соответствующим отрезком времени в предыдущем году.

Рост промышленной продукции

Изменение в сравнении с соответствующим месяцем прошлого года (в процентах)

	1953	1954	1955	1956
Январь	+ 4,0	+ 11,0	+ 17,4	+ 13,2
Февраль	+ 7,3	+ 10,2	+ 16,7	+ 8,1
Март	+ 10,7	+ 8,4	+15,8	+ 10,1
Апрель	+ 12,0	+ 9,7	+14,9	+12,4
Май	+ 11,1	+13,8	+15,8	+11,0
Июнь	+ 10,9	+ 12,1	+ 16,2	+ 6,0
Июль	+ 14,7	+ 9,3	+ 15,2	+ 8,6
Август	+ 10,9	+ 11,1	+15,4	+ 7,4
Сентябрь	+ 11,1	+ 11,7	+14,8	+ 6,2

Октябрь	+ 9,3	+ 12,0	+13,7	+ 4,5
Ноябрь	+ 9,2	+ 12,5	+14,5	+ 4,6
Декабрь	+ 13,8	+ 13,3	+ 12,2	+ 3,2

(Источник: Сообщение федерального министерства народного хозяйства)

В середине 1954 года по существу нельзя было уже сомневаться в том, что нам предстоит пройти продолжительный период высокой конъюнктуры. Ожидания эти основывались, в первую очередь, на увеличении заказов. Объем полученных всей промышленностью заказов в первом полугодии 1954 года превысил объем их в первой половине 1953 года на 23,6%, а в области заготовки сырья даже на 33,3% и в промышленности по производству средств производства на 27,8%, в то время как в области производства предметов потребления можно было наблюдать прирост лишь на 6,6%.

Во втором полугодии 1954 года мы приблизились к полной занятости, которая со времени кризиса тридцатых годов представлялась политикам и экономистам–теоретикам своего рода идеалом. В 1954 году в течение пяти месяцев — от июня до ноября — число безработных впервые было ниже одного миллиона. Год спустя — 30 сентября 1955 года — было статистически установлено, что число безработных было ниже 500 000 (при почти 18 миллионах занятых). Это перестало быть экономической проблемой. Таким образом, во многих районах страны и отраслях экономики была достигнута «полная» занятость.

Эта констатация еще усиляется данными 1956 года: в сентябре количество безработных снизилось до 411 100, а число работающих возросло до 18,1 миллиона. Таким образом, в течение одного года 800 000 человек нашли себе новые заработки, причем лишь десятая часть их пришла из числа безработных, которых, отрадным образом, стало значительно меньше. Следовало бы полагать, что этот успех должен был бы найти признание даже в рядах противников моей экономической политики. В прилагаемой таблице, дающей обзор положения, начиная с 1948 года, все сказанное выше выступает еще более наглядно.

Занятость и безработица (в тысячах человек)

	Работающие	Безработные	Всего
30.6.48	13 468	451	13 919
30.9.48	13 463	784	14 247
30. 9. 49	13 604	1 314	14 918
30. 9. 50	14 296	1 272	15 567
30.9.51	14 885	1 235	16 120

30.9.52	15 456	1 051	16 707
30.9.53	16 044	941	16 986
30.9.54	16 831	823	17 653
30.9.55	17 807	495	18 302
30.9.56	18 610	411	19 021
30.9.57	19 003	367	19 370

федерального министерства народного хозяйства)

Это развитие рабочего рынка характеризуется тем, что работу нашло значительно большее число людей, чем имелось безработных, согласно статистическим данным. За последние семь лет число безработных сократилось на 900 000, в то время, как число работающих возросло на пять миллионов человек. Осенью 1956 года число безработных составляло всего 2,2% общего числа трудящихся (мужчины — 1,4, женщины — 3,6%).

Охота на людей

Как уже отмечалось, эта непривычная для Германии проблематика, вытекающая из так называемой полной занятости, неподобающим образом отодвигала нередко на задний план осознание достигнутого. В силу этого я нашел уместным установить следующее 8 сентября 1955 года:

«У того, кто прислушивается к разговорам в стране, может подчас даже создаться впечатление, что вместе с полной занятостью, с высоким уровнем производства и возрастающим потреблением нас настигла какая–то беда, и что соответственно этому теперь следует приложить старания к тому, чтобы снизить снова народнохозяйственную продуктивность. Здравые человеческий рассудок восстает против такого положения. Он не может согласиться с тем, что то, что идет на пользу каждого, в общем народнохозяйственном плане является вредным и опасным». [59]

Беспомощность перед лицом этой новой ситуации привела постепенно к тому, что заинтересованные стали себе уяснять бессмысленность такой установки. Вначале некоторые полагали, что они смогут избежать последствий изменившегося положения на рабочем рынке путем переманивания к себе рабочей силы с других предприятий. Обращение к подобному неблаговидному приему стало угрожать возможности проводить какую бы то ни было здоровую политику в области заработной платы. Об этом надо было заявить откровенно и во всеуслышание:

«Мне заявили со стороны профсоюзов: посмотрите, что творится на рабочем рынке, и скажите после этого сами, можем ли мы вообще еще вести ответственную политику по линии заработной платы, когда вербовщики от промышленности рыщут по всей стране, чтобы переманить рабочую силу с одного

предприятия на другое? Я ни в коем случае не выступаю против свободы выбора профессии или против свободы выбора рабочим своего места работы. Однако то, что происходит, я никак не могу охарактеризовать иначе, как охоту на людей со стороны ловцов, занимающихся торговлей живым товаром.

Эти явления нужно порицать не только с экономической точки зрения; они заслуживают морального и общественного осуждения». [63]

Нет такого аргумента, который мог бы оправдать использование подобных приемов.

Недостаток рабочей силы все более вырисовывался в качестве серьезнейшей проблемы, стоящей перед народным хозяйством:

«Наилучшее решение вопроса, которое одновременно вызовет также благоприятные последствия как в экономической, так и в социальной области, заключается в увеличении продуктивности хозяйства. Следовательно, нам надлежит использовать все открывающиеся перед нами возможности рационализации. Мы должны применить все средства, ведущие к повышению производительности, чтобы качеством преодолеть недостающее нам количество, то есть компенсировать имеющийся у нас количественный недохват повышением эффективности труда человека». [38]

Сколь бы мне, как министру народного хозяйства, ни приходилось беспокоиться о том, чтобы резкое развитие в области средств производства не привело к явлениям, нарушающим равновесие хозяйственной жизни, — я все же неустанно указываю на то, насколько необходимо и благотворно стремление к повышению производительности, сколь важно добиться повышения производительности при помощи рационализации и повысить эффективность труда. Я неоднократно повторял, что в условиях полной занятости предпринимательские капиталовложения бесспорно послужат интересам рабочих.

Если я, тем не менее, в течение этих месяцев чувствовал себя обязанным несколько скептически высказаться по поводу конъюнктурной горячки в инвестиционном секторе, то это лишь потому, что на данном участке можно было все чаще и чаще наблюдать признаки невнимания и пренебрежения по отношению к существующим экономическим возможностям. 15 ноября 1955 года я поэтому заявил:

«Размер капиталовложений, которые теперь достигают 27 процентов валовой национальной продукции, достаточно наглядно показывает, что наши хозяйственники во время осознали возникающую перед ними проблему нехватки рабочей

силы. Однако, теперь они должны также убедиться в том, что дальнейшее увеличение капиталовложений, перенапрягающее работоспособность соответствующих отраслей промышленности, и, следовательно, ведущее к перенакалу экономической конъюнктуры, не может быть пригодным средством в политике использования благоприятной конъюнктуры. Как в области потребления, так и в области производства средств производства следует придерживаться принципа хозяйственности». [67]

Действительно, капиталовложения в 1955 году достигли внушительного размера, который отражается не только в цифрах, характеризующих производство, но и в удельном весе капиталовложений в национальной продукции:

Использование национальной продукции в процентах

	1936	1949	1950	1952	1954	1955
Частное потребл.	60,5	65,2	63,8	56,1	56,1	56,1
Государств. потребл.	20,8	18,3	16,3	17,9	16,5	15,4
Капиталовложение и вывоз капиталовл. за границу	18,7	16,5	19,9	26,0	27,4	28,5
	100	100	100	100	100	100
В ценах 1936 года						
Частное потребл.	60,5	61,7	60,6	58,1	59,2	59,4
Государств. потребл.	20,8	22,0	19,1	19,3	17,4	16,2
Капиталовложение и вывоз капиталовл. за границу	18,7	16,3	20,3	22,6	23,4	24,4
	100	100	100	100	100	100

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Согласно приблизительным оценкам Банка немецких земель, в 1956 году частное потребление повысилось примерно на 8 процентов, для капиталовложения — брутто почти на 6%, в то время как государственное потребление осталось неизменным. В 1956 году общая валовая национальная продукция увеличилась на 7,1%. Все эти данные приводятся без учета изменения цен.

Если из общей суммы капиталовложений вычесть инвестиции в промышленные установки, то за последние годы можно

наблюдать следующее развитие:

В миллионах марок

	1952г.	1953г.	1954г.	1955г.
В ценах соответствующего года	24680	27735	30630	38100
В ценах 1936 года	10 942	12 566	14 078	16 791

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Повышение заработной платы рабочих и служащих

Убедительная картина высокой конъюнктуры, которую дают вышеприведенные данные, находит свое отражение в эволюции доходов всех участников хозяйственного процесса, да и вообще всех слоев населения. Часовая оплата промышленных рабочих, которая в 1953 году в сравнении с предыдущим годом возросла на 4,6, а в 1954 году на 2,9%, — в 1955 году значительно повысилась, а именно на 6,8%. В 1956 году эта тенденция продолжала развиваться даже в усиленной степени и в первых трех кварталах этого года зарплата повысилась, в сравнении с соответствующими кварталами предыдущего года, на 8,5, 8,9 и 8,4%, хотя рост производительности не поспевал за повышением доходов трудящихся.

Значительный рост заработной платы привел к тому, что, согласно статистическим данным Банка немецких земель, плата рабочим и служащим с учетом налоговых и прочих вычетов, повысилась с 54,1 млрд. немецких марок в 1954 году, до 60,9 млрд. немецких марок в 1955 году. Такое повышение — почти на 7 млрд. марок — значительно превзошло темпы роста в предыдущие годы. 1956 год, согласно предварительным подсчетам Банка немецких земель, показывает повышение почти на 12%, и сумма, выплаченная трудящимся, достигла 67,9 миллиарда немецких марок. Параллельно с этим произошло повышение сумм, выплаченных в качестве пенсий и вспомоществований (с учетом налоговых вычетов), с 17,7 млрд. немецких марок в 1954 году, до 19,6 млрд. марок в 1955 году. И в этой области в 1956 году оказалось возможным еще более значительное повышение на 12% (по сравн. с предыдущим годом), в результате чего общая сумма пенсий и вспомоществований возросла до 22,0 млрд. немецких марок. Общий доход народных масс увеличился, таким образом, с 71,8 млрд. немецких марок в 1954 году до 80,6 млрд. марок в 1955 году. Этот рост с несомненной наглядностью свидетельствует о том, насколько улучшились условия жизни широких масс. В 1956 году, опять же по предварительным подсчетам Банка немецких

земель, доход народных масс достиг суммы в 89,9 млрд. немецких марок и, таким образом, вдвое превысил соответствующую сумму в 1950 году.

Рост дохода народных масс, млрд. Н.М.

Годы	Валовая зарплата рабочих и служащих		Вычеты	Чистый заработок (1/3)	Пенсии и вспомоществования	Доход народных масс (4 + 5)
	Всего	На каждого работающего, Н.М.				
	1	2	3	4	5	6
1950	39,3	2 839	5,3	34,0	11,4	45,4
1952	53,5	3 560	8,4	45,1	15,0	60,1
1954	63,8	3 922	9,7	54,1	17,7	71,8
1955	72,2	4 193	11,2	60,9	19,6	80,6
1956*)	80,8	4 473	12,9	67,9	22,0	89,9
Изменения в сравнении с предыдущим годом (в процентах)						
1955	+ 13,1	+ 6,9	+ 16,1	+ 12,6	+ 11,0	+ 12,2
1956						
1–й кв.	+ 14,9	+ 8,6	+ 16,8	+ 14,6	+ 10,5	+ 13,4
2–й кв.	+ 12,8	+ 6,8	+ 18,2	+ 11,8	+ 16,4	+ 12,9
3–й кв.	+ 10,7	+ 5,5	+ 15,0	+ 9,9	+ 13,3	+ 10,6
4–й кв.*)	+ 10,3	+ 5,9	+ 11,9	+ 9,9	+ 9,4	+ 9,8

**) Предварительные данные.*

(Источник: Банк немецких земель)

Это благоприятное развитие, равно как и осуществление намерения федерального правительства содействовать и дальше увеличению дохода народа, может продолжаться, понятно, лишь в условиях расцвета народного хозяйства.

Общий рост благосостояния становится особенно наглядным, если привести цифры, показывающие долю народного дохода на душу населения и выразить эти данные в ценах 1936 года.

Народный доход в пересчете на душу населения и в ценах 1936 года

1936	1949	1950	1952	1954	1955

В рейхсмарках и немецких марках	992	836	939	1086	1230	1350
1936 = 100	100	84	95	109	124	136
1949 =100	—	100	112	130	147	161

(Источник: Федеральное статистическое бюро)

Быстрая реакция населения в области накопления сбережений

Между тем, за эти годы удалось также и не только преодолеть последствия войны, но, учитывая достижения 1956 года, превысить уровень последних предвоенных лет на 45 процентов, а по сравнению с 1949 годом, добиться повышения его на 70 процентов. Эти цифры говорят объективному наблюдателю об успехе социального рыночного хозяйства больше, чем пространные комментарии.

Среди экономических факторов, создающих высокую конъюнктуру, но которые, в свою очередь, подвержены обратному воздействию соответствующей конъюнктуры, следует особо указать эволюцию сбережений. Начало высокой конъюнктуры совпадает с чрезвычайно большим стремлением к накоплению сбережений. Поэтому 1954 год можно с полным основанием назвать не только годом капиталовложений, но и годом сбережений. Это совпадение наблюдалось и в следующем — 1955 году. Положение изменилось лишь в 1956 году. Наличная сумма вкладов по сбережениям возросла с начала 1954 года до начала 1955 года с 11,24 млрд. немецких марок до 16,72 млрд. немецких марок, а к началу 1956 года увеличилась еще почти на 4 млрд. марок, то есть составила сумму в 20,67 млрд. немецких марок. Вклады в жилищно–строительные сберкассы, естественно, на более низком уровне, показывают такое же благоприятное развитие.

Столь высокая готовность отдавать свои деньги на сбережение играла в то время немалую роль в качестве стабилизирующего фактора, в то время как последующее ослабление интереса к сбережениям дает все же повод к некоторому беспокойству. Уже упомянутая сумма сбережений в 20,67 млрд. немецких марок повысилась с января 1956 года по ноябрь того же года лишь до 22,495 млрд. марок, что говорит о сравнительно незначительном приросте. Можно отметить с удовлетворением, что в самое последнее время наметился явный

поворот к лучшему: к концу 1956 года сумма сбережений достигла 23,374 млн. немецких марок.

Рост добровольных вкладов для накопления сбережений со времени проведения валютной реформы показывает, к каким достижениям приводит вера населения в устойчивость валюты.

Наконец, начальная фаза высокой конъюнктуры была ознаменована еще одним важным событием. С выходом так называемого закона о поощрении рынка капиталов был открыт путь к тому, чтобы снова вернуть этому рынку ту функцию, которую ему надлежит выполнять в рыночном хозяйстве. Начиная с этого момента (31 декабря 1954 года) на рынке капиталов размер процентов и рентабельность разного рода процентных бумаг и иных ценностей стали снова взаимно согласовываться по правилам рыночного хозяйства, Вызванная этим одновременно тенденция к снижению процентов была, правда, временно прервана вследствие проведения мероприятий кредитной политики, продиктованных обстоятельствами конъюнктурного развития. Однако, можно тем не менее высказать предположение, что этот добрый почин не исчез навсегда. Улучшение положения на рынке капиталов вместе с накоплением сбережений по вкладам и по страхованию дают возможность удовлетворять во все возрастающей мере высокие запросы на капиталовложения, поскольку такие запросы вообще обращены к рынку капиталов. Этот обзор создавшегося благоприятного и выгодного положения на рынке капиталов показывает, что имеются основания ожидать в скором будущем возрождения рынка акций.

Особенно явственно отразилась высокая конъюнктура в области нашей внешней торговли. Как 1954, так и 1955 годы ознаменовались сильным ростом объема внешней торговли, причем более оживленный импорт в 1955 году вдвое сократил активное сальдо торгового баланса предыдущего года В 1956 году, при неожиданно резком увеличении как импорта, так и экспорта, произошел новый поворот в этом развитии, в том смысле, что в торговом балансе вновь значительно повысилось активное сальдо. Стимулом к увеличению вывоза послужило некоторое послабление в немецком инвестиционном секторе в связи с чем какая–то доля производственной мощности промышленности высвободилась для работы над заготовлением поставок за границу. Нет сомнения в том, что это развитие пошло бы еще дальше, если бы федеральное министерство народного хозяйства не проводило в то время политику последовательного облегчения ввоза. Положение Германии на мировом рынке значительно укрепилось. По достижениям в области внешней торговли Германия оказалась на третьем месте после США и

Великобритании.

Эти данные, характеризующие экономические успехи, можно было бы безоговорочно признать удовлетворительным, если одновременно оказалось бы возможным сохранить полностью устойчивость цен. Этот идеал, как показывает опыт, как раз на данном конъюнктурном этапе недостижим или, во всяком случае, осуществим с большим трудом. Правда, надо признать, что бурное развитие экспорта и спроса внутри страны сопровождалось сравнительно незначительным ростом цен. Во всяком случае, не было и нет оснований драматизировать события. Сильного роста цен можно было опасаться с тем большим основанием, что в период этой высокой конъюнктуры заказы постоянно превышали возможности производства. Что же касается экспорта, то это положение не изменилось и до сих пор.

Цены, до второй половины 1954 года, бывшие устойчивыми, стали впоследствии слегка подниматься. В течение двух предыдущих лет себестоимость промышленной продукции еще имела тенденцию к понижению; она снизилась (если принять цены 1950 года за 100) с 121 до 116, и этот наиболее низкий уровень сохранился до сентября 1954 г. В феврале 1956 года вновь был достигнут уровень 1952 года; он колебался затем до сентября этого года между 120 и 121. Лишь осенью 1956 года произошло новое повышение: так, в ноябре 1956 года уровень цен повысился на 2,9% в сравнении с ноябрем 1955 года и на 5,1% в сравнении с ноябрем 1954 года.

Себестоимость сельскохозяйственных продуктов начала повышаться несколько раньше, причем по своим масштабам это повышение было более интенсивным. Индекс 1953–54 хозяйственного года (с июля по июнь) показывает 112% по отношению к 1950 году, а в следующем хозяйственном году — 116%. В 1955–56 году индекс повышается до 123%, а в первом полугодии 1956 года достигает даже 135%. Впоследствии он, правда, снова понизился. В декабре 1954, 1955 и 1956 годов индекс соответственно поднялся с 114 до 123, а затем до 126.

Принимая во внимание это колебание цен в течение последних двух–трех лет, можно считать, что эволюция индекса стоимости жизни была сравнительно спокойной. В 1954 году этот индекс оставался в среднем на уровне 1953 года (т. е. 108% по отношению к 1950 году), повысился в 1955 году до 110% и колеблется с января 1956 года между 112 и 114%. Таким образом, в 1955 году, по сравнению с предыдущим годом произошло повышение стоимости жизни (для средней потребительской группы) на 1.8%. К концу же 1956 года общий индекс, правда, был на 1,7% выше, чем в соответствующее время прошлого года,

и превысил уровень конца 1954 года на 3,6%. Картину развития этих важнейших, с народнохозяйственной точки зрения, цен дает таблица №3 приложения.

В этой области федеративная республика может, как это видно из приведенной ниже таблицы, вполне выдержать сравнение с другими странами. Тем не менее я чувствовал себя обязанным постоянно выступать с предупреждениями и бороться с нездоровыми явлениями.

Индекс стоимости жизни в разных странах 1949/1951 = 100

Страны	1953	1954	1955	Три квартала 1056
Западная Германия	103	103	105	108
Бельгия	106	108	107	110
США	109	109	109	111
Франция	126	126	127	129
Дания*)	115	116	121	128*)
Швеция	120	122	125	132
Великобритания	120	122	128	132
Норвегия*)	129	135	136	142*)

•) 1950 = 100

(Источник: Статистика Банка немецких земель и Федерального статистического бюро)

Основное требование: устойчивость цен

Тот факт, что покупательная способность и у нас слегка понизилась, относится к теневым сторонам высокой конъюнктуры. Поэтому я неоднократно указывал на то. что в перспективном плане никакой экономический прогресс, как бы велик он ни был, не может оправдать даже кажущееся первоначально безобидным ослабление валюты:

«Конъюнктурный вопрос ставится не в порядке альтернативы: должны ли цены оставаться устойчивыми или же в известных случаях допустимо их повышение? Уровень цен должен быть сохранен при всех обстоятельствах. Вопрос заключается лишь в том, какими средствами мы можем это обеспечить». [70]

Я категорически отрицаю также, что усиленное расширение производства естественно и закономерно должно быть связано со всеобщим повышением цен. Напротив, в интересах всего, получающего доходы и накопляющего сбережения населения, нужно стремиться к возрастающему и все более распространяющемуся благосостоянию, при одновременном сохранении устойчивости цен:

«Пусть многие иначе интерпретируют опыт прошлого. Я, во

всяком случае, не вижу повода к отказу от моих усилий создать при помощи ответственной денежной, кредитной и валютной политики и упорядоченной хозяйственной и финансовой политики предпосылки для того, чтобы дальнейшее расширение производства могло бы осуществляться на основе устойчивых цен». [64]

Наконец, в течение имевших решающее значение недель и месяцев мне приходилось снова и снова выступать против тех, кто думал и заявлял, что:

«лишь путем постоянного, хотя бы даже только незначительного, ослабления валюты можно вызвать к жизни те импульсы, которые надолго обеспечивают возможность экспансивного развития хозяйства. После того, как за последние десять лет жизнь опровергла, теоретически и практически, не одну ложную идеологию и не один догмат, наступила, мне кажется, пора, когда надлежит разрушить и эту последнюю и, может быть, даже самую опасную иллюзию». [64]

Если все мои мероприятия исходили из желания задержать постольку развитие конъюнктуры, поскольку вызванное ею искушение нарушить устойчивость валюты внушало все большие опасения, то не могло быть, однако, и речи о том, что я этим якобы отрекся от принципов и цели стремящегося к расширению хозяйства. Как раз в связи с необходимостью найти здесь правильную пропорцию в интересах дальнейшего непрестанного развития подъема, одно из моих высказанных в этом направлении заявлений заслуживает того, чтобы быть воспроизведенным здесь:

«Вряд ли можно приписать мне репутацию человека, для которого ограничительная политика является самоцелью. Так же трудно предположить, что я могу признать стоящим труда делом насильственное снижение благоприятной конъюнктуры. Нет, ни в коем случае, ибо секрет успеха нашей экономической политики ведь именно в том и заключается, что мы никогда не отступали перед трудностями, но всегда искали и находили решения в динамическом порыве вперед, в расширении хозяйственных возможностей. Мы не намерены изменять этому принципу и в дальнейшем, хотя не следует закрывать глаза на то, — и это стало ясным отнюдь не только сегодня, — что некоторые «узкие места» становятся все более явными». [63]

Непопулярные истины

Исходя из этой принципиальной установки, были приняты разнообразные меры, чтобы обуздать и направить по определенному руслу высокую конъюнктуру. Эти мероприятия должны были воздействовать как раз на те факторы, которые создавали помехи или вызывали новые опасности. В качестве

примера таких мероприятий можно указать на разнообразные воздействия психологического характера, в основу которых было заложено убеждение, что подлинные опасности вытекают не столько из фактов, сколько, главным образом, из несоблюдения экономически допустимых пределов — повышения заработной платы рабочими и служащими и повышения цен предпринимателями. Мой исходный тезис, разумеется, гласил всегда: сохранение устойчивости валюты.

В течение этих месяцев я неустанно провозглашал непопулярную истину, что, вопреки всякому отрицанию этого и несмотря на все тактические маневры, заработная плата и цены находятся в неразрывной связи.

«Если заработная плата начнет повышаться хотя бы лишь в одной отрасли народного хозяйства, то это произойдет и в других. Из этого следует, что невозможно, а, следовательно, и недопустимо, чтобы в одной отрасли хозяйства зарплата была повышена на некую величину X, когда в других отраслях имеется возможность повысить зарплату в лучшем случае лишь на 1/2 X или даже только на 1/4 X, если не прибегать к повышению цен. Было бы безответственно дать вольный ход повышению той цены какого–либо продукта, по которой оказывается возможным производить этот продукт уже в настоящее время. Столь же безответственным является и исходящее из ложно понимаемого предпринимательского духа желание использовать без остатка возможности, предоставляемые конъюнктурой. При настоящем положении дел такая политика побудила бы, естественно, всех следовать плохому примеру. А это означало бы положить начало инфляционной тенденции, пресечение которой в самом ее начале является нашим долгом». [62]

Такого рода соображения побудили меня в эти бурные месяцы к энергичным выступлениям против всякого повышения цен, которого как–то можно было бы избежать, — будь то в промышленности или в сельском хозяйстве, и это несмотря на разного рода сопротивление и скептическое отношение многих. Я старался противодействовать всякому повышению заработной платы, если оно не могло найти своего оправдания в увеличении экономической продуктивности. С другой стороны, повышение заработной платы оказалось таким образом санкционированным в довольно широких пределах, поскольку в деле повышения продуктивности были зарегистрированы значительные успехи.

В течение 1955 года, пожалуй, еще можно было говорить о соответствии между повышением заработной платы и успехами в деле повышения продуктивности. Однако в 1956 году уже нельзя было отрицать возникшего несоответствия между увеличением

дохода широких народных масс и повышением продуктивности. Заработная плата рабочих и служащих (без вычетов), повысилась в 1956 году, согласно официальным данным, почти на 7%, валовой доход лиц, работающих не самостоятельно, возрос на 11,9%, в то время как производительность промышленности в 1956 году повысилась лишь на 4% (при исчислении продукции за один рабочий час) или только на 1,4% (при исчислении продукции на одного работающего). Никто не может ссылаться на то, что, идя на повышение заработной платы, он якобы не предвидел последствий, ибо я буквально изъездил всю страну, чтобы разъяснить эти элементарные истины даже самым простодушным людям.

Ответственность за цены

Надо сказать, что как раз именно в этой фазе экономического развития нельзя не заметить взаимосвязи, существующей между повышением цен и тем фактом, что рост дохода широких народных масс, превышает достигнутое в области повышения продуктивности, т. е. превышает то, что вообще может дать народное хозяйство. Неизбежные последствия можно предвидеть почти с точностью до одного процента. Нельзя и не следует освободить от ответственности за повышение цен, за это легкое понижение покупательной способности населения, тех, кто соучаствовал в этом развитии. Ответственность лежит как на предпринимателях и рабочих, так и на правительстве и парламентариях, которые устанавливают государством гарантированные цены или определяют размеры доходов. Повторяю еще раз: у меня нет никаких возражений против изменений к лучшему, пока они не выходят из рамок экономических возможностей. Такие улучшения даже желательны, ибо они соответствуют принципам социального рыночного хозяйства.

Начатая мной психологическая кампания должна была быть дополнена и другими планами, которые, однако, удалось осуществить лишь частично. Мои предложения были направлены к тому, чтобы смягчить вредное влияние растущего положительного баланса внешней торговли и усилить предложение товаров на внутреннем рынке, преимущественно путем увеличения ввоза, чтобы с этой стороны оказать давление на цены. После многомесячных дискуссий в правительстве и парламенте было, правда, объявлено о снижении пошлин с 1 апреля 1955 года, хотя и не в том размере, который я считал желательным и необходимым. Вместе с тем постепенно проводилась дальнейшая либерализация по отношению к странам Организации европейского экономического сотрудничества

(ОЕЭС). Одновременно с этим был значительно расширен перечень товаров, которые могли свободно поступать к нам из долларовой зоны.

Специальные мероприятия были направлены на то, чтобы способствовать успокоению на тех участках экономики, на которых обнаруживалось наибольшее напряжение. Ограничение помощи путем государственного финансирования было сопряжено с сокращением казенных капиталовложений в строительство.

Тот факт, что мне лишь частично и зачастую слишком поздно удавалось проводить в жизнь мои предложения, заставил меня в возрастающей мере оказывать поддержку Банку немецких земель и даже поощрять его к отказу от той очень либеральной финансовой и кредитной политики, которую он стал проводить после преодоления «корейского» конъюнктурного подъема.

Между федеральным министерством народного хозяйства и Банком немецких земель в дальнейшем установилось все возрастающее единство взглядов в смысле оценки политико–экономического положения. 4 августа 1955 года низкая учетная ставка в 3%, установленная 20 мая 1954 года впервые была повышена до 3 1/2%. За этим повышением последовало 8 марта 1956 года следующее — на 1%, а 20 мая оказалось необходимым новое увеличение учетной ставки до 5 1/2%. К тому же эта последовательная политика сопровождалась еще и другими дополнительными мероприятиями Банка немецких земель. Так, с 1 сентября 1955 года были повышены минимальные ставки для запасных капиталов и ограничены возможности переучета векселей. Самое примечательное в политико–экономической ситуации этих месяцев заключалось в том, что мое тесное сотрудничество, вернее единство взглядов с эмиссионным банком, вовсе не находило полного признания.

Между тем, все эти усилия оказались небезуспешными. В середине 1956 года удалось повышение продуктивности снова ввести в реалистические рамки и придать ему здоровые масштабы. Темпы расширения производства приспособились к реально возможному развитию народного хозяйства. Годичное увеличение производительности, составлявшее в 1955 году 15% и более, понизилось до 8% и менее, но осталось все же на столь высоком уровне, что говорить о застое или тем более о кризисе не приходится. Проведенное б сентября 1956 года понижение учетной ставки с 5 1/2 до 5% и дальнейшее понижение на 1/2 %, проведенное 11 января 1957 года, может расцениваться как доказательство внутренней консолидации народного хозяйства.

Успех не замедлил последовать

Причины такой нормализации положения весьма разнообразны. Мне думается, что существенную роль сыграла психологическая кампания, совместно с мероприятиями Банка немецких земель. Осуществившееся все–таки увеличение импорта также не осталось без последствий и сказалось как раз в секторах, находящихся под наибольшей угрозой роста цен. Даже ввоз продуктов питания возрос как никак с 2,14 млрд. немецких марок в четвертом квартале 1955 года до 2,82 млрд. в соответствующем периоде 1956 года.

Все статистические данные говорят о том, что та фаза, в которой перенапряжение конъюнктуры грозило стать серьезной опасностью, может считаться законченной, и что на смену этой фазе наступает период спокойного роста и развития. Однако, при всем этом не следует забывать, что еще не до конца устранены последствия прошлого, и что нашей экономической политике придется ими серьезно заняться. Это относится в особенности к тому повышению заработной платы, которое превысило рост производительности. Следует здесь указать и на необходимое, с социальной точки зрения, повышение пенсий и вспомоществований из государственных средств, а также на увеличение пенсионных доходов по проведении социальной реформы. Лишь какая–то часть этих затрат покрывается увеличением взносов, но во всяком случае ежегодно на рынок будут поступать миллиардные суммы, — результат увеличившейся покупательной способности масс.

Такое же значение имеет и снижение налогов, поскольку оно также будет содействовать росту покупательной способности. Естественно, что эти изменения в структуре доходов заставляют также повысить оплату государственных служащих, что ведет к дополнительному повышению общего народного дохода по всем категориям заработной платы. В этот весьма общий обзор роста покупательной способности потребителей следует включить, для принятия в соображение, также и развитие стремления к накоплению сбережений.

Многое зависит от желания накапливать сбережения

От желания накапливать сбережения в значительной степени будет зависеть, вызовут ли какие–либо нарушения нормального течения хозяйственной жизни тенденции к расширению народнохозяйственного потенциала, могущие проявиться в результате такого увеличения дохода народных масс. В третьем квартале 1956 года прирост вкладов по сбережениям достиг только суммы в 90,7 млн. немецких марок, т. е. одну восьмую прироста в соответствующий период 1955 года. Можно с удовлетворением отметить наличие кое–каких признаков того,

что недавние мероприятия федерального правительства вновь оживят стремление к накапливанию сбережений. Можно также надеяться, что намечающаяся стабилизация политического положения вызовет и социальное успокоение, которое в свою очередь укрепит желание накапливать сбережения.

Эта эволюция показывает, как резко реагирует население на действительные или даже только мнимые изменения курса валюты. Простое указание на то, что едва ли можно говорить об обесценении нашей валюты и что, следовательно, нет причин для беспокойства, навряд ли сможет вызвать удовлетворительный психологический эффект. Для пояснения вышесказанного мне хотелось бы привести историю одного стомаркового кредитного билета, который был внесен на следующий день после валютной реформы. Развитие индекса стоимости жизни в тот же отрезок времени явственно указывает на то, что сложнопроцентный рост этой суммы, внесенной в сберегательную кассу, был лишь в незначительной части аннулирован повышением цен:

Внесено 21.6.1948 года — 100 НМ Индекс стоимости жизни. 1–ое полугодие 1948 г. = 100

имеется в наличии на 31.12.1948 года — 101.22 НМ -

имеется в наличии на 31.12.1949 года — 103.75 НМ 1949 99

имеется в наличии на 31. 12. 1950 года -106.39 НМ 1950 92

имеется в наличии на 31.12.1951 года — 109.39 НМ 1951 100

имеется в наличии на 31. 12. 1952 года — 112.87 НМ 1952 102

имеется в наличии на 31. 12. 1953 года — 116.26 НМ 1953 100

имеется в наличии на 31. 12. 1954 года — 119.75 НМ 1954 100

имеется в наличии на 31. 12. 1955 года — 123.34 НМ 1955 102

имеется в наличии на 31.12. 1956 года — 127.45 НМ 1956 105

Чтобы с самого начала предупредить все возможные недоразумения, я хочу подчеркнуть, что это противопоставление накопляемого по сбережениям капитала и индекса стоимости жизни ни в коем случае не следует понимать как попытку выступить в защиту гарантированного индекса для денежных сбережений.

Немалое значение будет иметь и дальнейшее развитие в области нашей внешней торговли. Те тенденции к экспансии, которые, возможно, обнаружатся при этом, могут приобрести в дальнейшем еще большее значение, ибо нейтрализующее влияние излишков государственных доходов будет далеко не таким сильным, как в предыдущие годы.

В последней фазе развития высокой конъюнктуры выявилось, несмотря на некоторое замедление темпов роста производства, повышение на несколько процентов уровня издержек по производству, заработков и цен. Можно было бы даже указать на целый ряд факторов, которые благоприятствуют усилению тенденции к повышению цен как раз в тех секторах хозяйства, которые более всего интересуют потребителя. Это и случится, если не будут услышаны мои повторные призывы повышать заработную плату лишь соответственно росту производительности.

Центральная проблема экономической политики сводится поэтому к устранению инфляционных тенденций в дальнейшем экономическом подъеме. Сохранение устойчивости валюты является непременной предпосылкой для гармонического экономического роста и подлинного и обеспеченного социального прогресса. Экономическая политика федерального правительства должна поэтому впредь в еще большей мере быть направленной на создание необходимых условий для сохранения финансовой устойчивости.

Разрешение вопроса о том, потребуется ли в будущем прибегнуть в отдельных случаях к ограничительным мерам, будет зависеть решающим образом от того, смогут ли, наконец, все слои нашего народа отказаться от пагубной попытки вырвать для себя побольше выгод в ущерб всему обществу.

[image]

Людвиг Эрхард. «Благосостояние для всех» — Глава V. Рыночное хозяйство преодолевает плановое хозяйство

[image]

«Экономическая политика началась под лозунгом «свободного рыночного хозяйства» и «либерализации». Весной она закончилась введением импортных ограничений, олицетворяющих собой провал всей политики правительства, особенно в области внешней торговли… За что время… почти что все положения и теории, которые повторно нам преподносил федеральный министр народного хозяйства, а также и его догма, окончательно потерпели крах… Вы должны согласиться со мной, что господин федеральный министр народного хозяйства, который взялся было за устранение принудительно–направляемого хозяйства, теперь … вот–вот готов снова ввести систему прямого хозяйственного регулирования, к тому же отвратительно функционирующую, и целиком увяз в этой заботе

… после того, как вся хозяйственная политика кончилась провалом …»

Еще лишь недавно — это было 11 октября 1951 года, по время корейских событий — лидер самой крупной оппозиционной партии в германском Бундестаге произнес эти, сегодня кажущиеся невозможными, слова. Тем временем возможность свободно выбирать необходимые ему предметы потребления стала для западногерманского гражданина реальностью, каковой стала и возможность свободного ценообразования почти во всех секторах промышленности. Каждый предприниматель может и должен свободно производить и продавать то, что требуется рынку. Сверх того, он свободен в организации своего предприятия, в его рационализации и в решении вопроса капиталовложений, как это и должно быть в условиях конкуренции и свободы предпринимательского хозяйствования.

Вышеприведенная вводная цитата напоминает нам о том, сколь яростно оспаривались принципы рыночного хозяйства всего лишь несколько лет тому назад. Отвержение рыночного хозяйства было в рядах оппозиции более или менее единодушным. Правда, при этом отдельные критики несомнение исходили из разных соображений. Одни были склонны отрицать правильность самих принципов, другие считали, что в послевоенной Германии с ее разрушенными промышленными установками и миллионами беженцев осуществление этих принципов невозможно.

Эта борьба уже принадлежит прошлому, она стала историей. Отчеты тогдашних прений читаются в наши дни, как страницы из чрезвычайно увлекательного романа. Все–таки стоит рыться в страницах этого недавнего прошлого германской истории. Первый германский послевоенный парламент — Хозяйственный совет во Франкфурте, а позже и Бундестаг (парламент в Бонне) первого созыва были ареной яростных парламентских прений. В дальнейшем мы будем придерживаться официальных отчетов.

Крупнейшая партия оппозиции — СДПГ — дала ясно понять в дни валютной реформы, что она не стремится к освобождению германского народа от государственного вмешательства, к освобождению, которое я намерен был постепенно осуществить в отношении всех, в порядке проведения валютной реформы, производств, всех отраслей торговли и ремесел, но, прежде всего, в отношении потребителя. В отчете памятного XVIII пленарного заседания Хозяйственного совета, имевшего место 17 и 18 июня 1948 года непосредственно перед проведением валютной реформы (стр. 628 и след. официального протокола), мы можем прочесть запись заявлений докладчика СДПГ (Социал–

демократической партии Германии) по вопросам хозяйственной политики д–ра Крейссига (являющегося членом Бундестага первого созыва, а также и в настоящее время; ныне его деятельность протекает преимущественно в рамках европейских парламентских органов):

«Во всех обоснованиях, приведенных профессором Эрхардом в подтверждение своих положений, отсутствует, однако, одна главная предпосылка: на протяжении многих долгих лет у нас не было нормального народного хозяйства; мы увидим, что валютная реформа не принесет никакого чуда и что лишь после проведения валютной реформы будет создана почва для подлинно здорового восстановления народного хозяйства. Мы не ожидаем также чудес от влияния валютной реформы на нормальный ход первоначального развития народного хозяйства, в частности производства… Они (речь идет об обездоленных и бесправных) спросят, почему не проводится правильная хозяйственная политика, политика направляемого распределения и образования цен, чтобы люди в ближайшие месяцы и годы получили свою долю продукции? Ведь начиная с 1945 года они работали неизвестно ради чего, и почти ничего или вообще ничего от результатов своего труда не видели.

«Направляемое распределение» мы понимаем, как планомерное направление всех наиболее необходимых предметов и товаров в места и к людям, более всего в них нуждающимся. Иначе говоря, мы за направление распределения имеющихся налицо товаров широкого потребления. Моя партия вполне согласна с той точкой зрения, что следует допустить свободные цены при наличии здорового хозяйства; но это недопустимо в народном хозяйстве, в котором недостаток во всем столь безгранично велик… То, что здесь намечается, уже было однажды весьма ясно и метко охарактеризовано, как «стальной душ свободных цен» («Stahlbad der freien Preise»), — через этот душ германские предприниматели хотят заставить пройти немецкий народ …

Все это не имеет никакого смысла. К катастрофе приведет стремление заниматься «политикой цен», ни разу не отдав себе отчета в том, как должно было бы протекать предстоящее повышение цен. Это недопустимо! Все, что вы до сих пор видели, ведет к тому, что немецкими предпринимателями будет проводиться политика в духе Моргентау, которая окажется еще опустошительнее того, чего в свое время хотел добиться Моргентау …

Любой из нас хотел бы, чтобы система принудительно–направляемого хозяйства была устранена. Однако, нельзя в силу

этого выдвигать положение, будто этим и покончено, наконец, с этой системой… Мы по–прежнему стоим на точке зрения, что народное хозяйство могло бы быть пущено в ход лишь путем систематического планирования и при помощи столь же систематического распределения всех необходимых товаров широкого потребления в Германии».

Таково было содержание речи оратора оппозиции! Крейссиг этим внес ясность в то, что оппозицией уже было заявлено на 14 пленуме Хозяйственного совета (21 и 22 апреля 1948 года). На этом заседании при оповещении о предстоящей валютной реформе я установил следующее (стр. 441 официального протокола):

«При изложении всех моих соображений, я исхожу, разумеется, из желания не только количественно выправить диспропорцию между предложением товаров и спросом на них, но и побороть зло в самом корне. Всякая регламентация, которая заставила бы нас, из–за все еще существующих, хотя и более слабых разногласий, сохранить теперешнюю форму принудительного распределения, включая твердые цены, в качестве хозяйственной системы для будущего, всякая регламентация, которая не покончит решительным образом с призраком инфляции при твердых ценах, но наоборот, снова станет поощрять процесс нарастания излишней покупательной способности, либо потребует проведения новых мероприятий валютного характера, либо сможет даже способствовать продлению беды на вечные времена …

Решительно отрицая этот экономический принцип, я, однако, ни в коем случае не проповедую необходимость возврата к либеральным формам экономики прежних времен и к безответственному предпринимательству прошлых лет.

Сегодняшняя система… должна либо принять форму более свободного рыночного хозяйства, либо повернуться в сторону абсолютного тоталитаризма. Это должен признать каждый, кто отдает себе отчет в принудительном характере нашего народнохозяйственного положения, вызванного хаосом в области валютной политики …»

Совершенно различные мнения

Докладчик СДПГ, д–р Крейссиг, подчеркнул достаточно ясно, что он придерживается принципиально другого мнения. Однако, справедливость требует отметить, что многие, не будучи сторонниками СДПГ, думали так же. Это было неудивительно при наличии промышленного производства, достигавшего всего 50% уровня 1936 года, при возросшей на миллионы численности населения. Д–р Крейссиг продолжал (стр. 446):

«… Создается неприемлемое положение, когда приходят к выводу, что Германию можно поставить на ноги и привести в порядок ее народное хозяйство, независимо от размера помощи, которую Германия может получить, без планомерного вмешательства государства и хорошо продуманного планирования, и тогда, вместо того, чтобы вскрыть подлежащие выяснению проблемы, их затушевывают лишь потому, что этого требуют какие–то соображения или тенденции, которые хотели бы покончить с недавним прошлым и снова пойти по пути свободного предпринимательства».

Другой оратор СДПГ — Шеттле, сегодня председатель бюджетной комиссии парламента, поддержал Крейссига (стр. 452):

«Я думаю, что если мы не сумеем соединить мысль об экономическом оздоровлении Германии с мыслью о направляемой реорганизации, о перемещении отдельных секторов промышленности и определенной инициативы в другие, более важные области хозяйства, — если мы не проведем все это путем принципиальных политических решений и вытекающих из них мер, дающих направление экономике, то нам вообще ничего не удастся, ибо в порядке свободной инициативы все это, конечно, не может осуществиться … Мы хотим хозяйственную свободу в другом смысле, чем вы этого хотите (то есть правительство). Мы имеем опыт, что так называемое свободное хозяйство означает свободу лишь для немногих, а для других — как раз противоположное».

Вернемся к памятному XVIII пленуму Хозяйственного совета за несколько часов до проведения валютной реформы. В ответ на пессимизм Крейссига я сказал (стр. 623):

«Я думаю, что существует полное единодушие в том, что необходимо сделать выводы из опыта системы государственного принудительного хозяйства, которое явилось результатом хаотической, более того, — просто преступной финансовой, хозяйственной и валютной политики. Надо отдать себе отчет в том, что крушение этого порядка или кажущегося порядка, на самом деле беспорядка, — означает не только крушение данной системы, но и крушение идеи всех форм государственного принудительного хозяйствования …

Во всех слоях нашего народа существует только одно единственное стремление освободиться от этой смирительной рубашки … Следовательно, может быть только один путь — вернуться к форме более свободного рыночного хозяйства, снова упразднить принуждение, которому был подвержен каждый в отдельности и которое мучило буквально каждый день всех — от

потребителей до производителей».

При наличии многочисленных требований относительно государственного влияния на ценообразование я посчитал нужным высказать в Хозяйственном совете, еще до проведения валютной реформы, мое убеждение, что принудительное распределение и отсутствие свободы в ценообразовании нельзя отделить одно от другого. Тот, кто требует одно, должен отдавать себе отчет в том, что ему придется принять и другое (стр. 623):

«… Не будем сами себя обманывать — весь германский народ это знает, — что принудительное распределение, с одной стороны, и твердые цены, с другой, были признаком бесхозяйственности, под которой народ стонал 15 лет. Если мы не решили бы взяться за ликвидацию этих классических симптомов нашей бесхозяйственности, то никто в народе не поверит, что валютная реформа действительно приведет к оздоровлению экономики…

Невозможно одновременно направлять экономику с двух сторон. Нельзя совместить административное регулирование потока товаров (все равно, по каким распределительным признакам), с другим распределением, определяемым естественным спросом. Этот спрос образуется в результате свободного выбора продуктов потребления каждым отдельным гражданином… Однако я лично самым категорическим образом отрицаю принцип планирования там, где это принудительное влияние государства должно привести к мучению с утра до вечера каждого отдельного гражданина, как потребителя, так и производителя».

Прыжок в холодную воду

На только что приведенные аргументы ответил опять Крейссиг (стр. 638):

«Аргументы, которые были нам только что представлены, как раз затрагивают вопрос, на который я хотел бы обратить внимание, когда говорил о «стальном душе свободных цен» для предпринимателей. Мне кажется, что это весьма сомнительный способ — бросить в холодную воду смертельно больного человека, а ведь германское хозяйство является этим смертельно больным человеком уже в течение трех лет. Настоящий размер болезни и слабость пульса этого больного хозяйства мы четко сможем установить в день валютной реформы.

Я заявляю, что моя фракция в этом не намерена участвовать…

То «немножечко» в повышении заработной платы, которое отвоюют себе рабочие после валютной реформы, ограничится для каждого в отдельности, примерно, размерам лишней пары чулок

или лишней рубашки …»

Подтвердила ли практическая жизнь этот пессимизм, который ожидал лишь этого «немножечко» в повышении заработной платы?

Федеральное статистическое бюро сообщает следующее:

Данные о часовой заработной плате — брутто — рабочих–мужчин (без горной промышленности)

1948г. — 1.12 НМ	1954г. — 1.84 НМ
1950г. — 1.38 НМ	1955г. — 1.96 НМ
1952г. — 1.71 НМ	1956г. — 2.13 НМ

Февраль 1957 г. — 2.23 НМ

Источник: Федеральное статистическое бюро)

СДПГ поспешила осудить первые проявления рыночного хозяйства, может быть, предугадывая, что в недалеком будущем ее резкую критику больше не будут принимать всерьез. Едва три недели после проведения валютной реформы оратор СДПГ — Зайферт (член Бундестага первого и второго созывов от СДПГ и специалист по финансовым вопросам) заявил на XIX пленуме Хозяйственного совета 8 и 9 июля 1948 года (стр. 700):

«Господин д–р Пюндер нам доложил, что люди с какой–то новой верой, с чувством внутреннего облегчения стоят перед витринами. Я думаю, настоящие чувства другие. То, что здесь произошло, вызвало раздражение, за немногие дни углубило социальные противоречия, что представляет собой опасность и является предостережением против дальнейшего следования по этому пути.

Какова же действительность?

Может быть и верно, что те или иные граждане, даже самые мелкие потребители, не без радости ощущают возможность купить снова то или другое, к улучшению снабжения это еще не привело…»

Перед лицом эволюции народного хозяйства в эти первые недели и месяцы после валютной реформы, СДПГ, которая, очевидно, не могла отойти от своей принципиально оппозиционной тактики, стала впадать во все большие противоречия. На XX пленуме Хозяйственного совета (17–20 августа 1948 г.) социал–демократический эксперт по вопросам права д–р Арндт констатировал (стр. 785):

«Если мы хотим остаться верными исторической правде, то мы не должны забыть об одном событии, которое было вызвано к жизни не профессором Эрхардом, а также и не нами всеми, потому что мы его вызвать не могли, а именно, — о валютной реформе. Если улучшения наступили, то они наступили в результате валютной реформы» …

Д–р Арндт забывает, что его коллега д–р Крейссиг еще 17 и 18 июня 1948 года (как только что упоминалось) заявлял:

«Мы увидим, что валютная реформа не принесет с собой никакого чуда, мы не ожидаем также чудес от влияния валютной реформы на нормальный ход первоначального развития народного хозяйства, и, в частности, производства. Новая валюта ничего не меняет в производственной базе Германии».

СДПГ не оставляла сомнений в том, что она стремилась низвергнуть инициатора социального рыночного хозяйства. Она все больше чувствует, насколько результаты экономической политики отразятся на ней, как партии. На этом XX пленарном заседании СДПГ вносит предложение, чтобы директор Управления по делам хозяйства был смещен со своего поста. Это предложение было отклонено после страстной дискуссии большинством 47 голосов против 35. Депутат СДПГ Шеттле произнес длинную и яростную обвинительную речь (стр. 786);

«… известно, что с самого начала мы не имели никакого доверия к политике господина профессора Эрхарда …

Мы предостерегали от темпа, с которым господин директор Управления по делам хозяйства хотел пойти по пути отмены предписаний, касающихся принудительного распределения и твердых цен …

Мы указывали на то, что мы против принудительного хозяйства, как мы его унаследовали от национал–социализма, и на то, что недостаток на протяжении ряда лет во многих областях нашего хозяйства будет постоянным явлением, и что ограничение свободы лежит в интересах справедливого снабжения широких масс нашего трудящегося населения, в интересах социального мира. Это необходимо на какое–то время. Мы без стыда признаем необходимость этого ограничения свободы».

Насколько было справедливо это предсказание, что недостаток будет в течение ряда лет постоянным явлением? Из обильного статистического материала возьмем некоторые данные:

	1949	1951	1953	1955	1956
Обувь кожаная в млн. пар	41,34	48,16	56,11	66,94	71,72
Выработка шерст. пряжи (в тоннах)	43393	65106	68069	71746	72016
Выработка хлопч. —	141729	216944	238285	258959	277049

бумажн. пряжи (в тоннах)					
Дамские чулки (млн. пар)	23,0*)	46,7	79,2	125,1	151,8
Фарфор для домашн. хоз. (в тоннах)	38154	49194	59810	74087	76399
Папиросы (млн. шт.) (Потребление)	22,09	26,64	34,76	42,09	48,86
Кофе (в кг.) на душу населения (Потребление)	0,48	0,74	1,37	1,86	2,03

**) 1950, цифры за 1949 нет.*

С 1955 на 1956 гг. производство товаров широкого потребления выросло еще на 8,34%.

(Источник: Федеральное статистическое бюро)